

ИЗБРАННЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Дело «Мюррей (Murray) против Нидерландов»¹

(Жалоба № 10511/10)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 26 апреля 2016 г.

По делу «Мюррей против Нидерландов» Европейский Суд по правам человека (Большая Палата), заседав в составе:

Гвидо Раймонди, *Председателя Большой Палаты*,

Дина Шпильманна,

Андраша Шайо,

Ишиль Каракаш,

Ангелики Нуссбергер,

Ханлара Гаджиева,

Небойши Вучинича,

Анны Юдковской,

Юлии Лаффранк,

Паулу Пинту де Альбукерке,

Эрика Мёсе,

Андре Потоцкого,

Пола Махони,

Йоханнеса Силвиса,

Валерия Грицко,

Фариса Вехабовича,

Йона Фридрика Къэльбро, *судей*,

а также при участии Йохана Каллеварта, *заместителя Секретаря Большой Палаты*,

рассмотрев дело в открытых заседаниях 14 января 2015 г. и 4 февраля 2016 г.,

вынес в последнюю указанную дату следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 37553/05, поданной против Королевства Нидерландов в Европейский Суд по правам человека

века (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) подданным Королевства Нидерландов Джеймсом Клифтоном Мюрреем (*James Clifton Murray*) (далее – заявитель) 22 февраля 2010 г. Заявитель скончался 26 ноября 2014 г. Его сын Джонни Френсис ван Хейнинген (*Johnny Francis van Heyningen*) и сестра Альтаграсия Мюррей (*Altagracia Murray*) 6 декабря 2014 г. выразили желание продолжить производство по жалобе в Европейском Суде.

2. Интересы заявителя представляла К. Райнчес-Венденбёрх (*C. Reijntjes-Wendenburg*), адвокат, практикующая в г. Маастрихте (*Maastricht*). Власти Королевства Нидерландов (далее также – власти государства-ответчика) были представлены Уполномоченным Королевства Нидерландов при Европейском Суде Р.А.А. Бёкером (*R.A.A. Böcker*), сотрудник Министерства иностранных дел Королевства Нидерландов.

3. Заявитель первоначально утверждал, что в нарушение статьи 3 Конвенции назначенное ему наказание в виде пожизненного лишения свободы было *de jure* и *de facto* неснижаемым. Ссылаясь на эту же норму Конвенции, он также жаловался на условия его содержания в тюрьмах на Кюрасао³ (*Curaçao*) и на Арубе⁴ (*Aruba*), а именно на состояние тюремных зданий и отсутствие отдельного режима для пожизненно осужденных заключенных. Он также утверждал, что ему был назначен режим, не отвечающий его психическому состоянию, и что это представляло собой нарушение статьи 3 Конвенции. 2 ноября 2012 г., после завершения проверки законности и обоснованности назначенного заявителю наказания в виде пожизненного лишения свободы (см. §§ 4 и 31–32 настоящего Постановления), он расширил содержание своей жалобы по статье 3 Конвенции по вопросу о предполагаемой неснижаемости назначенного ему наказания в виде пожизненного лишения свободы, утверждая, что, даже если и имелась *de jure* возможность освобождения из заключения, *de facto* он не имеет никаких шансов на освобождение, так как ему никогда не предоставлялось психиатриче-

³ Кюрасао (нидерл. *Curaçao*) – самый большой остров Нидерландских Антиль и одноименное самоуправляемое государственное образование, расположенное на юге Карибского моря, вблизи берегов Венесуэлы. Является субъектом федерации в составе Королевства Нидерландов с 2010 года, когда произошла реорганизация участия Антильских островов в составе Нидерландов (*примеч. редактора*).

⁴ Аруба (нидерл. *Aruba*) – небольшой остров и одноименное самоуправляемое государственное образование, расположенные на юге Карибского моря, вблизи берегов Венесуэлы. Самый западный остров среди Малых Антильских островов. Является субъектом федерации в составе Королевства Нидерландов (*примеч. редактора*).

¹ Перевод с английского языка ООО «Развитие правовых систем» / Под ред. Ю.Ю. Берестнева (*примеч. редактора*).

² Настоящее Постановление вступило в силу 26 апреля 2016 г. в соответствии с пунктом 1 статьи 44 Конвенции (*примеч. редактора*).

ское лечение, поэтому риск рецидива преступлений продолжал считаться слишком высоким.

4. Жалоба была направлена в Третью Секцию Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда). 15 апреля 2011 г. жалоба была коммуницирована властям государства-ответчика. Рассмотрение дела было отложено 29 ноября 2011 г. в ожидании очередной проверки законности и обоснованности назначенного заявителю наказания в виде пожизненного лишения свободы (см. §§ 31–32 настоящего Постановления), и 19 ноября 2013 г. оно было возобновлено. 10 декабря 2013 г. Палата Европейского Суда в следующем составе: Йозепа Касадевалы, Председателя, Альвины Гюлумян, Корнелиу Бирсана, Яна Шикуты, Ноны Цоцория, Кристины Пардалос, Йоханнеса Силвиса, судей, а также при участии Сантьяго Кесады, Секретаря Третьей Секции Суда, рассмотрев дело в закрытом заседании, вынесла Постановление по делу. Палата Европейского Суда единогласно решила объявить неприемлемой для рассмотрения по существу жалобу в части, касающейся статьи 3 Конвенции, относительно отсутствия гарантий против насилия среди заключенных, жалобу со ссылкой на пункты 1 и 4 статьи 5 и статей 6 и 13 Конвенции, а также жалобу на то, что постоянное применение законов Кюрасао к его заключению на Арубе является несовместимым с международным правом. Палата Европейского Суда единогласно объявила приемлемой жалобу в остальных частях, касавшихся статьи 3 Конвенции, и постановила, что по делу не было допущено нарушений этой нормы Конвенции в отношении наказания в виде лишения свободы пожизненно и условий содержания в тюрьмах.

5. Письмом от 5 марта 2014 г. заявитель ходатайствовал о том, чтобы дело было передано на рассмотрение в Большую Палату Европейского Суда в соответствии со статьей 43 Конвенции. Коллегия судей Большой Палаты Европейского Суда удовлетворила это ходатайство 14 апреля 2014 г.

6. Состав Большой Палаты Европейского Суда был определен в соответствии с положениями пунктов 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правила 24 Регламента Суда. Заявитель и власти государства-ответчика представили дополнительные письменные объяснения (пункт 1 правила 59 Регламента Суда).

7. Открытое слушание состоялось во Дворце прав человека в г. Страсбурге 14 января 2015 г. (пункт 3 правила 59 Регламента Суда).

В Европейский Суд явились:

(а) со стороны властей Нидерландов:

Р.А.А. Бёкер, сотрудник Министерства иностранных дел Королевства Нидерландов, *Уполномоченный Королевства Нидерландов при Европейском Суде*,

М. Кауйер (M. Kuijer), сотрудник Министерства безопасности и юстиции Королевства Нидерландов,

А. ван дер Сханс (A. van der Schans), генеральный адвокат, прокуратура Кюрасао, *консультанты*;

(b) со стороны заявителя:

К. Райнчес-Венденбёрх, адвокат, профессор Дж. Райнчес (J. Reijntjes), *консультант*.

Европейский Суд заслушал выступления Райнчес-Венденбёрх и Бёкера и их ответы на вопросы судей, а также ответы профессора Райнчеса и Кауйера на вопросы судей.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

8. Заявитель родился в 1953 году на острове Аруба. В 2013 году, когда он отбывал наказание в виде пожизненного лишения свободы в тюрьме на Арубе, у него был диагностирован рак в терминальной стадии. В сентябре 2013 года он был переведен из тюрьмы в дом престарелых на Кюрасао. 31 марта 2014 г. заявитель был помилован (*gratie*), за тем последовало его незамедлительное освобождение. Он вернулся на Арубу, где скончался 26 ноября 2014 г.

A. КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНТЕКСТ

9. На момент, когда заявитель был признан виновным и ему было назначено наказание, Королевство Нидерландов состояло из Нидерландов (государство в Европе) и Нидерландских Антильских островов (образованных островами Аруба, Бонайре (*Bonaire*), Кюрасао, Синт-Мартен, Синт-Эстатиус и Саба (*Sint Maarten, Sint Eustatius and Saba*)). На Нидерландских Антильских островах глава государства (в то время королева) был представлен губернатором. В 1986 году Аруба стала автономной «страной» (*land*) в пределах королевства, имеющей своего губернатора. С 10 октября 2010 г. Нидерландские Антильские острова прекратили свое существование как иное, собирательное название для шести островов в Карибском море, принадлежащих Королевству Нидерландов. Королевство в настоящее время состоит из четырех автономных стран: Нидерландов (то есть государства в Европе), Арубы, Кюрасао и Синт-Мартена, в то время как Бонайре, Синт-Эстатиус и Саба являются особыми муниципалитетами Нидерландов. В каждой из трех островных стран (Аруба, Кюрасао и Синт-Мартен) есть свой губернатор.

10. Страны королевства имеют свои собственные правовые системы, которые могут отличаться друг от друга.

11. Объединенный суд Нидерландских Антильских островов, который назначил заявителю наказание в виде пожизненного лишения свобо-

ды в 1980 году, стал Объединенным судом Нидерландских Антильских островов и Арубы в 1986 году и в настоящее время называется Объединенным судом Арубы, Кюрасао, Синт-Мартена и Бонайре, Синт-Эстатиуса и Сабы. В дальнейшем для удобства он будет именоваться Объединенный суд.

В. УГОЛОВНОЕ ОСУЖДЕНИЕ ЗАЯВИТЕЛЯ

12. 31 октября 1979 г. Суд первой инстанции (*Gerecht in Eerste Aanleg*) Нидерландских Антильских островов признал заявителя виновным в убийстве шестилетней девочки на острове Кюрасао. Приговор Суда первой инстанции включал краткий отчет психиатра, который был подготовлен по просьбе прокурора (*Officier van Justitie*). Вывод, к которому пришел психиатр, был кратко изложен в приговоре суда (заключение и рекомендации, содержащиеся в докладе психиатра, в полном объеме приведены в § 33 настоящего Постановления):

«...Обвиняемый страдает патологическим отклонением, в частности, крайне ограниченным развитием умственных способностей... Учитывая это, обвиняемый должен рассматриваться как подлежащий ограниченной уголовной ответственности (*verminderd toerekeningsvatbaar*), но, тем не менее, он должен нести уголовную ответственность за свои действия. Отмечено, в частности, что обвиняемый не может считаться психически невменяемым до, во время или после совершения преступления... Хотя обвиняемый способен на совершение подобного преступления в будущем, отсутствует необходимость помещать его в обычную психиатрическую клинику (*krankzinnigengesticht*), вместо этого он должен быть помещен в закрытую клинику для психически больных людей (*psychopatenasiel*), чтобы пройти длительный курс лечения под строгим наблюдением. На Кюрасао есть выбор только между тюрьмой и национальной (регулярной) психиатрической клиникой (*Landpsychiatrisch Ziekenhuis*). Принимая во внимание, что риск рецидива преступлений пока еще очень высок, даже если лечение будет возможно начать сразу, и что, следовательно, интенсивное наблюдение имеет первостепенное значение (такое наблюдение невозможно в национальной психиатрической лечебнице), и тот факт, что обвиняемый не считается невменяемым по смыслу уголовного закона, его направление в психиатрическую лечебницу полностью противопоказано. Единственный оставшийся вариант для него – отбывать наказание в тюрьме (его перевод в закрытую клинику в Нидерландах невозможен по причине ограниченного интеллекта обвиняемого и недостаточной способности выражать себя вербально). Настоятельно рекомендуется, насколько это возможно в условиях тюрьмы, предпринять попытку выстроить более сильную структуру личности в обвиняемом, чтобы избежать рецидивов преступлений в будущем...».

13. Суд первой инстанции счел, что наказание в виде лишения свободы пожизненно, о назначении которого просил прокурор, будет являться заслуженным наказанием, если бы с самого начала

было установлено, что состояние заявителя не поддается лечению. Поскольку суд нашел, что это не могло следовать из доклада психиатра, он назначил заявителю наказание в виде лишения свободы сроком на 20 лет.

14. И заявитель, и прокуратура (*Openbaar Ministerie*) обжаловали приговор Суда первой инстанции.

15. 11 марта 1980 г. Объединенный суд Нидерландских Антильских островов отменил приговор Суда первой инстанции. Он признал заявителя виновным в умышленном убийстве, сочтя доказанным, что тот умышленно и с заранее обдуманным намерением лишил жизни шестилетнюю девочку. Суд постановил, что заявитель задумал и принял решение убить ее после спокойного размышления, и с целью осуществить свое намерение он неоднократно ударил ее ножом, в результате чего она скончалась. Заявитель убил ребенка, которая была племянницей его бывшей подруги, в качестве мести за прекращение последней их с ним отношений. Объединенный суд назначил заявителю наказание в виде пожизненного лишения свободы. В этой связи суд процитировал часть доклада психиатра, как он кратко изложен в приговоре Суда первой инстанции (см. § 12 настоящего Постановления), и, кроме того, указал, *inter alia*, следующее:

«...Учитывая, что в свете выводов врача-психиатра, которые суд признает и принимает как свои собственные, и, в частности, тот факт, что риск рецидива преступлений весьма значителен, интересу общества в защите от подобных рецидивов, по мнению суда, следует придать наибольшее значение, принимая во внимание личность обвиняемого,

учитывая, как это ни прискорбно, что на Нидерландских Антильских островах отсутствует возможность вынести распоряжение о лечении в закрытой клинике в условиях содержания под стражей (*terbeschikkingstelling met bevel tot verpleging van overheidswege*), являвшаяся бы наиболее целесообразной мерой в данном случае, и что помещение в закрытую клинику в Нидерландах в аналогичных случаях в прошлом оказалось бесполезным, как известно суду *ex officio*, и в настоящем деле, кроме того, признано невозможным врачом-психиатром по причине ограниченного интеллекта обвиняемого и недостаточной способности выражать себя вербально,

учитывая, что в настоящем деле нет иного способа, которым вышеупомянутый преобладающий интерес может быть адекватно защищен в этих землях, кроме как через назначение наказания, которое будет препятствовать возвращению обвиняемого в общество, и, таким образом, только наказание в виде пожизненного лишения свободы квалифицируется как целесообразное,

учитывая понимание судом того, что это наказание в принципе не предоставит обвиняемому какой-либо перспективы вернуться в общество свободным человеком, факт, который предположительно сделает это наказание более тяжелым бременем для обвиняемого, чем наказание в виде

временного лишения свободы, но, по мнению суда, не должен вести к жертве вышеуказанными интересами, которые, как изложено выше, должны иметь наибольший вес...

назначает обвиняемому наказание в виде лишения свободы пожизненно...».

16. 25 ноября 1980 г. Верховный суд (*Hoge Raad*) оставил без удовлетворения кассационную жалобу заявителя на решение Объединенного суда.

17. 24 ноября 1981 г. заявитель подал просьбу в Объединенный суд о пересмотре дела, которая была оставлена без удовлетворения 6 апреля 1982 г.

С. СОДЕРЖАНИЕ ЗАЯВИТЕЛЯ В ЗАКЛЮЧЕНИИ

18. Заявитель отбывал первые 19 лет своего наказания в тюрьме «Корал спехт» (*Koraal Specht*) (которая впоследствии была переименована в «Бон-Футуро» (*Bon Futuro*) и в настоящее время называется Центр заключения и исправления на Кюрасао (*Sentro di Dentenshon e Korrekshon Korsou*)). В этой тюрьме начиная с 1990 года создано специальное отделение для заключенных с признаками психической болезни или серьезными поведенческими проблемами, так называемое Отделение судебно-медицинского наблюдения и консультирования (*Forensische Observatie en Begeleidings Afdeling*) (далее – ОСМНК). ОСМНК состоит из двух отдельных блоков, один – для наблюдения, другой – для лечения. Хотя заявитель утверждал, что он провел некоторое время в блоке наблюдения, власти государства-ответчика заявили в ходе судебного слушания в Большой Палате Европейского Суда 14 января 2015 г., что во время нахождения в заключении на Кюрасао заявитель не помещался в эти блоки.

19. Первые 13 лет заявителя в тюрьме сопровождалось различными инцидентами: драками, вымогательствами, злоупотреблениями наркотиками и т.д., некоторые из них привели к содержанию в одиночной камере.

20. 1 декабря 1999 г. заявитель был переведен в Исправительное учреждение Арубы (*Korrekctie Instituut Aruba*) (далее – ИУА), также именуемое Национальным исправительным учреждением на Арубе (*Instituto Coreccional Nacional*), после того, как он неоднократно просил об этом переводе с 1985 года для того, чтобы быть ближе к своей семье. В то же время ответственность за исполнение назначенного заявителю наказания была передана от властей Нидерландских Антильских островов властям Арубы. По соглашению от 1 декабря 1999 г. министр юстиции Кюрасао, однако, сделал перевод условным, предусмотрев, что любая мера (например, помилование, снижение наказания, временный отпуск), предусматривающая выход заявителя из тюрьмы, будет зависеть от согласия прокуратуры Кюрасао.

Д. ПРОШЕНИЯ О ПОМИЛОВАНИИ

21. В ходе своего заключения заявитель несколько раз безуспешно ходатайствовал о помиловании, точное количество его обращений не может быть установлено, так как документация неполная ввиду прошествия времени. Из информации и документов, содержащихся в материалах дела Европейского Суда, могут быть установлены следующие события.

22. Письмом от 26 апреля 1982 г. заявитель просил, чтобы министр юстиции Кюрасао проверил назначенное заявителю наказание в виде пожизненного лишения свободы и предоставил бы ему какое-либо смягчение наказания. Он утверждал, что в тюрьме, где он содержался, не предоставлялось учебных или профессиональных программ, способствующих его личностному и умственному развитию, в то время как огорчение и разочарование от изолированности и заброшенности создают душевные муки, которые, несомненно, приведут его на грань психического заболевания. Это прошение было отклонено губернатором Нидерландских Антильских островов 9 августа 1982 г., поскольку отсутствовали основания для его удовлетворения.

23. Прощение, поданное в неизвестную дату, было отклонено 29 ноября 1983 г. Представляется, что заявитель также подавал прошения 6 июня 1990 г., 11 апреля 1994 г. и 17 мая 1996 г., но какой-либо дополнительной информации о них не имелось.

24. В материалах дела содержится ряд документов (далее именуемые консультационные листы), на которых каждый из трех судей, с которыми была проведена консультация до того, как Объединенный суд дал свои рекомендации губернатору по конкретному прошению о помиловании, мог написать свое мнение по поводу данного прошения. Один из судей, с которым была проведена консультация по прошению заявителя о помиловании от 31 июля 1997 г., написал в октябре 1997 года следующее:

«...Из доклада психиатра, имеющегося в материалах дела, можно понять, что риск рецидива преступлений был признан большим. Психиатр счел, что заявителю было рекомендовано лечение в тюрьме, однако никаких мер предпринято не было. Я по-прежнему считаю, что было бы безответственно предоставлять помилование заявителю, который в настоящий момент достиг возраста 44 лет...».

Второй судья указал на консультационном листе, что он согласен с коллегой и можно запросить новый доклад психиатра, что может иметь значение в будущем с целью иметь возможность контролировать развитие заявителя, и в свое время возможно дать положительное заключение по поводу прошения о помиловании.

Письмом от 22 октября 1997 г. Объединенный суд рекомендовал губернатору не разрешать помилование, указав в соответствующей части следующее:

«...Из доклада психиатра, имеющегося в материалах дела, усматривается, что у заявителя недостаточно развиты умственные способности... В докладе психиатра сделан вывод о том, что заявитель, безусловно, способен совершить аналогичное преступление или иное нарушение общественного порядка. Суд отмечает, что заявитель не прошел какого-либо (психиатрического) лечения в тюрьме, направленного на укрепление его личностной структуры в целях профилактики совершения преступлений в будущем.

Поскольку преступление, совершенное заявителем, шокировало правопорядок так глубоко, что предоставление помилования не будет воспринято обществом, даже после истечения длительного периода времени.

С учетом вышеизложенного суд считает, что на данный момент было бы безответственным помиловать 44-летнего заявителя.

Прокуратура пыталась, пока безуспешно, добиться перевода заявителя в ИУА на Арубе в соответствии с его пожеланиями ввиду того, что у него на Арубе живут родственники. По этому пожеланию заявителя теперь должно быть принято решение. Следовательно, суд поддерживает это разумное пожелание заявителя».

Прошение о помиловании было отклонено 20 ноября 1997 г.

25. 30 января 2002 г. исполняющий обязанности губернатора Нидерландских Антильских островов отклонил прошение заявителя от (возможно) 14 августа 2001 г. снизить ему меру наказания путем помилования, считая, что отсутствуют факты или обстоятельства, которые оправдывали бы подобное действие.

26. 26 января 2004 г. генеральный адвокат Нидерландских Антильских островов указал в соответствующей части прошения заявителя о помиловании в Объединенный суд, поданного 27 октября 2003 г., следующее:

«...Мнение прокуратуры остается неизменным. До совершения преступления, о котором идет речь, подозреваемый [sic] был признан виновным в изнасиловании малолетней девочки, и ему было назначено наказание в виде лишения свободы. Это наказание не возымело профилактического действия на заявителя. Действия заявителя были тщательно исследованы в связи с преступлением, и обширный доклад по результатам обследования четко указывает на риск совершения рецидива преступлений. По-видимому, обстоятельства не изменились.

...Предоставление помилования по гуманитарным соображениям, даже если можно сказать, что такие соображения имеют место (чего в действительности не наблюдается), не будет понято обществом, не, на мой взгляд, воспринято им. Гуманитарные соображения могут являться основанием для перевода на ИУА. На мой взгляд, этого достаточно...».

Один из судей Объединенного суда, соглашаясь с негативным ответом генерального адвоката, указал на консультационном листе:

«В какой-то период, однако, наступит момент, когда милосердие возобладает над законом. Такой момент еще не наступил, но может наступить через 10 или 20 лет».

Объединенный суд сообщил, чтобы прошение заявителя было отклонено по основаниям, указанным в рекомендации генерального адвоката от 26 января 2004 г.

27. Генеральный прокурор письмом в Объединенный суд от 5 августа 2004 г. рекомендовал, чтобы суд дал отрицательную рекомендацию по прошению о помиловании, поданному заявителем 17 июня 2004 г. Он указал в соответствующих частях следующее:

«...Принимая во внимание содержание его прошения о помиловании вместе с интервью с ним, которое было недавно показано по телевидению, заявитель, очевидно, до сих пор, на мой взгляд, не осознает серьезность дьявольского деяния, совершенного им 23 мая 1979 г.

...В интервью... Мюррей также имел наглость умалить тяжесть своего гнусного преступления, заявив, что другие люди, которые уже были отпущены на свободу, совершали более тяжкие преступления...

Заявитель вообще никогда ни на суде, ни при вынесении приговора, или в вышеупомянутом интервью не продемонстрировал раскаяние в содеянном...

Мюррей утверждает, что в течение последних 22 лет он вел себя как образцовый заключенный. Ничто не может быть дальше от истины, во всяком случае не в отношении срока заключения в тюрьме здесь [то есть на Кюрасао]. В течение этих лет заявитель много раз вел себя ненадлежащим образом, *inter alia*, посредством высказывания угроз, совершения краж, драк с другими заключенными, совершения развратных действий с третьими лицами и попыткой отравить другого заключенного...

Хотя в последнее время он возможно демонстрировал хорошее поведение, это не умаляет того факта, что последствия его дьявольского деяния не могут быть заглажены, хотя кажется, также учитывая последние реакции в нашем обществе, что общество остается сильно шокированным. Наше общество не может позволить себе рисковать жить с таким психопатом-убийцей. Для того, чтобы интересы наши общества были адекватно защищены, возвращение заявителя в общество не должно состояться. На мой взгляд, нельзя исключать, что этот плотный 51-летний мужчина с его тяжелой судимостью... и в настоящее время в расцвете сил в очередной раз нарушит закон.

Вышеупомянутое интервью, а также тот факт, что он (даже если он имеет право на это) в очередной раз счел нужным подать прошение о помиловании, вызвали большое волнение в нашем обществе. Встревоженные граждане, в том числе родственники погибшей, яростно протестовали в средствах массовой информации против возможного помилования...

Иногда озвучиваемое мнение о том, что наказание в виде пожизненного лишения свободы на практике сводится к наказанию в виде лишения свободы сроком от 20 до 25 лет, не основано на Уголовном кодексе и не находит также поддержки в законе. Антильский законодатель вообще даже не помышлял о таком...».

Прошение о помиловании было отклонено губернатором 1 марта 2006 г. по той причине, что не имелось представленных или очевидных фактов или обстоятельств, оправдывающих помилование.

28. Письмом от 28 сентября 2007 г. Объединенный суд рекомендовал губернатору отклонить поданное заявителем прошение о помиловании, так как не было каких-либо признаков наличия обстоятельств, которые суд первой инстанции не смог принять (в достаточной степени) во внимание во время вынесения своего решения и которые, если бы суд был в достаточной степени осведомлен о них, стали бы для суда основанием назначить иное наказание или воздержаться от назначения какого-либо наказания вообще. Не представлялось также вероятным и то, что исполнение решения суда или продолжение его исполнения не служили разумно любой цели, преследуемой применением уголовного закона.

Прошение о помиловании, к которому имела отношение данная рекомендация Объединенного суда, 16 января 2008 г. было отклонено губернатором по основаниям, которые были изложены в данной рекомендации.

29. В январе 2011 года трое судей, с которыми консультировались по поводу прошения заявителя о помиловании, поданного 31 августа 2010 г., указали на консультационном листе соответственно: «отсутствуют основания», «отклонить» и «отклонить».

30. 29 августа 2013 г. заявитель просил о помиловании в связи с ухудшением состояния своего здоровья. Начальник отдела социальной работы тюрьмы на Арубе посоветовал, чтобы прошение о помиловании было удовлетворено, так как это позволит заявителю с достоинством умереть в присутствии своей семьи. Решением от 31 марта 2014 г. губернатор Кюрасао удовлетворил это прошение и предоставил заявителю помилование (см. § 8 настоящего Постановления), что повлекло его освобождение от отбывания наказания в виде лишения свободы, поскольку в имевшихся условиях дальнейшее исполнение данного наказания более уже не считалось отвечающим полезной цели.

Е. ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПРОВЕРКА ЗАКОННОСТИ И ОБОСНОВАННОСТИ НАЗНАЧЕННОГО ЗАЯВИТЕЛЮ НАКАЗАНИЯ

31. 21 сентября 2012 г. Объединенный суд, подвергнув проверке законность и обоснованность назначенного заявителю наказания в виде пожизненного лишения свободы, предусмотренного ста-

тейей 1:30 Уголовного кодекса Кюрасао, который вступил в силу 15 ноября 2011 г. (см. §§ 55–56 настоящего Постановления), решил, что наказание заявителя к лишению свободы и по прошествии 33 лет служит разумной цели.

32. Решение Объединенного суда прежде всего излагает процедуры, имевшие место в суде: заседания состоялись 10 мая и 6 сентября 2012 г., на которых были заслушаны заявитель, представленный адвокатом. Также были заслушаны сотрудник тюрьмы на Арубе, а также психолог М.В., психиатр G.E.M., родственники потерпевшей и их представитель. Решение ссылается на соответствующие части приговора суда от 11 марта 1980 г., назначившие ему наказание, и обобщает результаты выводов, содержащихся в докладах, составленных в отношении заявителя с целью периодической проверки законности и обоснованности назначенного заявителю наказания (см. §§ 36–42 настоящего Постановления). Раздел, озаглавленный «Позиция родственников потерпевшей», гласит следующее:

«...Родственники заявили в судебном заседании, что они не согласны с возможным освобождением осужденного из заключения. Они заявили, что новость о возможном освобождении вновь открыла старые раны, что они испытывают психологические последствия этого и боятся осужденного. Он угрожал им в прошлом, и они не видят у него проявлений каких-либо чувств раскаяния или сожаления.

Представитель родственников указал, что риск повтора преступления был для них неприемлем.

В докладе от 10 мая 2012 г., подготовленном Фондом Кюрасао по условному осуждению и социальной реабилитации, докладчик рассмотрел позицию родственников. В первую очередь докладчик отметил, что родственникам до сих пор почти не оказали психологической помощи или поддержки в примирении с их утратой. Он пришел к выводу, что мать погибшей все еще, по-видимому, борется с проблемами, о которых она едва говорит, и что отец погибшей нуждается в профессиональной помощи, чтобы справиться со своими чувствами. Родственники рассказали докладчику о том, что они чувствуют себя незащищенно от одной только мысли, что осужденного отпускают на свободу. Они далее указали, что с момента задержания осужденного и до настоящего времени они «жили в тюрьме» и это оказало негативное воздействие на других их детей. Фонд по условному осуждению и социальной реабилитации заключил, что возможное условно-досрочное освобождение осужденного на данном этапе будет иметь далеко идущие психологические последствия для родственников...».

В решении далее указывалось: по утверждению исполняющего обязанности генерального прокурора, не существовало ни одного объективного признака, на основании которого мог быть сделан вывод о том, что риск совершения заявителем нового преступления исчез или уменьшился, и досрочное освобождение из заключения может серьезно шокировать родственников, а также будет шокиро-

вать общество до такой степени, что это отразится на возможности заявителя реинтегрироваться в общество. После описания положения заявителя Объединенный суд произвел его оценку, которая в соответствующих частях гласит следующее:

«...8.2. Лишение осужденного свободы на настоящее время длилось значительно более 20 лет, а именно более 33 лет. Следовательно, суд должен оценить, служит ли всё еще разумной цели дальнейшее безусловное исполнение наказание в виде пожизненного лишения свободы.

8.3. Из доводов, приведенных [назначающим наказание] судом в обоснование назначения наказания в виде лишения свободы пожизненно, следует... что цель этого наказания состояла в ограждении общества от повторных преступлений осужденного. Риск рецидива преступлений, по мнению [назначающего ему наказание] суда, должен быть особенно высок, а исправительное воздействие не представлялось возможным.

8.4. Таким образом, суд в первую очередь должен оценить, в какой степени риск рецидива преступлений существует в настоящее время. В связи с этим прежде всего следует отметить, что в то время этот риск представлялся особенно высоким с учетом личности осужденного, и с тех пор никакое исправительное воздействие в той или иной форме не имело места.

8.5. После того, как суд поручил двум экспертам на своем заседании 10 мая 2012 г. провести экспертизу, психолог M.V. и психиатр G.E.M. представили заключения о личности осужденного и риске рецидива преступлений. В отличие от защиты суд считает, что проведенная экспертиза и подготовленный психологом доклад являются надлежащего качества и отличаются знанием обстоятельств дела...

8.6. Из... выводов обоих экспертов усматривается, что осужденный по-прежнему страдает от расстройства, а именно от асоциального расстройства личности. Суд приходит к заключению на основе данных выводов о том, что это расстройство оказывает негативное влияние в смысле риска повторного совершения преступлений и препятствует возможной реинтеграции осужденного в общество. Кроме того, суд учитывает, что характер совершенного осужденным преступления, убийство шестилетней девочки с единственной целью отомстить ее тете, его бывшей подруге, представляется ненормальным и, как было заключено в то время, должно быть отнесено к психопатическим расстройствам личности осужденного. Суд отмечает, что важные аспекты расстройства личности, такие как асоциальная суть личности, ограниченное развитие его сознания и отсутствие чувства сопереживания, в настоящее время по-прежнему присутствуют. Какое-либо лечение в период заключения не имело места. Кроме того, всё осуществлялось не так, как принято в рамках лечения, и что обстоятельства, которые привели его к содеянному, обсуждались с ним таким образом, чтобы он мог впоследствии обрести понимание того, как избегать или игнорировать подобные обстоятельства. В случае осужденного можно было бы ожидать, что в ходе обсуждения будут затронуты вопросы его отношения с женщинами и преодоления отвержения женщиной. Как уже говорилось, данные обсуждения или лечение не

имели места. Кроме того, в судебном заседании осужденный не продемонстрировал, что он был способен отвечать за всю серьезность и абсурдность убийства или понимать то, как он вообще мог его совершить.

8.7. Вышеизложенное приводит суд к выводу, что риск совершения осужденным нового преступления, если он будет освобожден, таков, что должны превалировать интересы защиты общества. На это не влияет тот факт, что осужденный в последние годы в тюрьме вел себя хорошо и не создавал проблем. В конце концов, как указали эксперты, жизнь в тюрьме весьма структурирована, и такие обстоятельства, как те, при которых осужденный совершил преступление, в тюрьме не могут возникнуть. Данные обстоятельства могут возникнуть за пределами тюрьмы, и, принимая во внимание вышеупомянутую личность и тот факт, что ему не было предоставлено какого-либо лечения, суд считает риск того, что осужденный совершит новые преступления, если он столкнется с такими обстоятельствами, слишком большим.

8.8. Суд также принимает во внимание мнение родственников погибшей. В достаточной степени было установлено, что условно-досрочное освобождение осужденного в настоящее время повлечет для них негативные психологические последствия. Суд отмечает в этой связи, что в течение многих лет родственникам погибшей также не была обеспечена необходимая поддержка, чтобы помочь им смириться со своей трагедией или, при необходимости, решение их психологических проблем. Следовательно, легко понять, что они теперь находятся в шоке из-за рассмотрения возможности условно-досрочного освобождения осужденного. В этой связи суд придает значение тому факту, что после совершения преступления осужденный угрожал причинить вред родственникам и таким образом способствовал возникновению у них чувства незащищенности. Осужденный не продемонстрировал, что он имеет какое-либо представление о последствиях своего деяния или его последующих действий.

8.9. На основании вышеизложенного суд считает, что дальнейшее исполнение наказания в виде пожизненного лишения свободы всё еще служит разумной цели. Таким образом, суд не будет предписывать условно-досрочное освобождение осужденного.

8.10. С учетом вышеизложенного суд также не усматривает причин отложить свое рассмотрение дела до окончания дополнительного расследования, как об этом просила защита, в качестве альтернативного курса действий.

8.11. Суд добавляет, что он осознает тот факт, что его соображения, изложенные в пунктах 8.6 и 8.7, как кажется, предоставляют мало перспектив для освобождения осужденного из заключения в будущем, поскольку это императивно требует, чтобы в предстоящий период должно иметь место лечение в той или иной форме, при котором в любом случае должны быть рассмотрены такие аспекты, как анализ преступления, вопросы его отношения с женщинами и преодоления отвержения женщиной. Возможно, данное лечение может быть организовано каким-либо образом в [тюрьме на Арубе]. Кроме того, суд считает, что позиция родственников также может измениться на момент рассмотрения дела, если они продолжают получать

необходимую поддержку в преодолении своих чувств скорби, гнева и страха.

8.12. Суд, наконец, отмечает, что он также обращал внимание на беспокойство, которое вызвала в обществе возможность условно-досрочного освобождения осужденного и которое вытекало из опубликованных газетных статей и значительного общественного интереса к вопросу. Большая часть общества, наверное, полагает, что лицу, совершившему такое преступление, как убийство [потерпевшей], вообще нельзя разрешать вернуться на свободу. Однако при рассмотрении дела судом это не имело решающей роли. В конце концов, потребность общества в воздаянии должна считаться в достаточной степени смягченной после срока заключения осужденного в течение более 33 лет. Как отмечалось выше, целью продолжения исполнения этого наказания в настоящее время является уже не возмездие, а защита общества от возможных новых преступлений.

9. Решение

Суд не будет предписывать условно-досрочное освобождение осужденного лица».

Г. ПСИХИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЗАЯВИТЕЛЯ И ПРЕДОСТАВЛЕННАЯ ИЛИ РЕКОМЕНДОВАННАЯ ЕМУ ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ

1. Доклад психиатра от 11 октября 1979 г.

33. В ходе производства по уголовному делу в отношении него и по просьбе прокурора заявитель был обследован психиатром J.N.S. с целью оценить, может ли он подлежать уголовной ответственности за преступление, в котором он обвинялся. 11 октября 1979 г. психиатр подготовил 27-страничный доклад. Приговор Суда первой инстанции от 31 октября 1979 г. включает краткое изложение заключений и рекомендаций, содержащихся в этом докладе (см. § 12 настоящего Постановления). Заключение и рекомендации, изложенные в докладе психиатра, в частях, имеющих отношение к настоящему делу, гласят следующее:

«...**Заключение.** В этой связи докладчик дает следующий **структурный диагноз**: тяжкое преступное поведение в форме убийства, совершенное в результате примитивного и первичного всплеска эмоций умственно отсталого, инфантильного и самовлюбленного молодого человека, структура характера которого имеет серьезные нарушения психопатического свойства.

Рекомендация. Докладчик хочет представить свою рекомендацию на основании следующих вопросов.

1) Страдает ли обвиняемый патологическим отклонением и (или) недостаточной развитостью своих умственных способностей?

Ответ. Да, несомненно, страдает, и, в частности, недостаточной развитостью своих умственных способностей.

2) Имелись ли это отклонение и (или) недостаточная развитость у него на момент совершения им вменяемых ему в вину преступлений?

Ответ. Недостаточная развитость, в частности, наблюдалась всю его жизнь, и поэтому также и на момент совершения им вменяемых ему в вину преступлений, хотя можно сказать, что всё стремительно ускорилося в то время.

3) Если это так, то было ли это до такой степени, что обвиняемого, если он был бы признан виновным в преступлениях, как правило, следовало бы рассматривать в текущем состоянии общества Нидерландских Антильских островов как не несущего за них ответственность или несущего, но только в большей или меньшей степени?

Ответ. Докладчик хотел бы сделать вывод, что обвиняемого с учетом ответов в пунктах 1 и 2 следует рассматривать как подлежащего ограниченной уголовной ответственности, но, тем не менее, он до сих пор считает, что обвиняемый по большей части несет ответственность за совершенные им деяния, если они признаны доказанными. Докладчик особенно хочет отметить вывод, что он не назвал бы обвиняемого невменяемым, либо до, во время или после совершения преступления... обвиняемый никогда не погружался в странный и безумный собственный мир, но всегда жил в примитивном, первичном чувственном мире, и ему удавалось, когда его существование не было отмечено стрессом, в разумных пределах участвовать в жизни общества.

4) На момент совершения преступлений было ли у него осознание, что их совершение было аморальным и не будет терпимо обществом?

Ответ. По данным докладчика, обвиняемый, по-видимому, имел такое осознание, но впоследствии он полностью подавил и подменил его фантазированием в связи с угрозой разрушения его собственной личностной структуры.

5) Если у него действительно имелось такое осознание, способен ли он определять свою волю и свои действия?

Ответ. См. ответ на вопрос 4. Также отчасти из-за этого докладчик пришел к выводу об ограниченной уголовной ответственности.

6) Можно ли ожидать, что обвиняемый может вновь совершить аналогичное преступление или нарушить общественный порядок иным способом?

Ответ. Принимая во внимание то, что было написано и заключено выше, обвиняемый, безусловно, способен совершить подобное деяние или различные нарушения общественного порядка.

7) Требуется ли психическое состояние обвиняемого, чтобы он был помещен в специализированное психиатрическое учреждение?

Ответ. Ввиду ответа на вопрос 3 можно сказать, что в этом нет необходимости.

8) Какие практические рекомендации вы можете дать и (или) какие предложения, которые реализуемы в современном обществе, вы можете сделать, чтобы улучшить и обеспечить исправление и (или) более положительное развитие личности обвиняемого?

Ответ. Ввиду ответов на вопросы 1–3, 6 и 7 я посоветовал бы, чтобы обвиняемый был помещен в психиатрическую клинику, где, конечно, должно иметь место институциональное воздействие в течение довольно длительного периода под очень строгим наблюдением. На Кюрасао у нас есть выбор только между тюрьмой и национальной психиатрической клиникой. Принимая во внимание, что риск рецидива преступлений очень велик, даже если воздействие было немедленно начато, и интенсивное наблюдение, следовательно, имеет первостепенное значение (такое наблюдение невозможно в национальной психиатрической лечебнице!) а также тот факт, что обвиняемого нельзя признать неменяемым по смыслу закона, его помещение в национальную психиатрическую клинику полностью противопоказано. Единственным вариантом, оставшимся для обвиняемого, если он будет признан виновным в преступлениях, в совершении которых его обвинили, отбыть свое наказание в тюрьме (его перевод, например, в психиатрическую клинику в Нидерландах, на мой взгляд, невозможен по причине ограниченного интеллекта обвиняемого и его недостаточной способности выражать себя вербально). Докладчик настоятельно рекомендует, если возможно, чтобы были предприняты попытки в условиях тюрьмы добиться для него утверждения более сильной личностной структуры с целью избежать совершения преступлений в будущем...».

2. Письмо от 6 сентября 1991 г.

34. 6 сентября 1991 г. психиатр, доктор М. де О., обратилась к генеральному прокурору Кюрасао по поводу пожелания заявителя быть переведенным в исправительное учреждение на Арубе. Она указала, что в отношении заявителя было установлено наблюдение психиатра по прибытии в центр предварительного заключения на Кюрасао и что был установлен хороший терапевтический контакт с целью его исправления. Психиатр высказала мнение, что с психологической точки зрения перевод заявителя на Арубу будет способствовать его социальному перевоспитанию.

3. Доклад от 10 февраля 1994 г.

35. Данный доклад психиатра был подготовлен Р.N. van Н. по просьбе генерального адвоката Кюрасао по поводу прошения заявителя быть переведенным в исправительное учреждение на Арубе. Психиатр установил, что заявитель не страдает от какого-либо психоза, депрессии или тревоги, но у него имеется серьезное нарциссическое расстройство личности. Психиатр пришел к выводу об отсутствии психиатрической причины, почему заявитель не может быть переведен на Арубу и что психологически такой перевод, вероятно, будет благоприятным для заявителя, так как его семья проживала там.

4. Доклады, составленные для целей периодической проверки законности и обоснованности назначенного заявителю наказания

36. В ожидании того, что проведение периодической проверки законности и обоснованности наказания в виде пожизненного лишения свободы будет закреплено в Уголовном кодексе Кюрасао, генеральный прокурор письмом от 9 сентября 2011 г. запросил проведение психиатрического обследования заявителя.

37. 7 октября 2011 г. психолог J.S.M. указал следующее:

«...Результаты теста показывают, что [заявитель] страдает от симптомов депрессии. Он скрывает свои эмоции и гнев от окружающих... [Заявитель] мало доверяет другим людям. По его мнению, люди используют друг друга и плохо обращаются друг с другом для достижения своих целей. Именно поэтому он очень недоверчив к людям, с которыми он сталкивается, и демонстрирует антисоциальное поведение... Он чрезвычайно чувствителен к критике и отвержению своей личности...»

[Заявитель] находился в заключении в течение очень длительного времени, и в результате его самочувствие ухудшилось. Его социальные навыки также ухудшились, и он утратил надежду на то, что его ситуация когда-либо изменится, что привело к тому, что [заявитель] стал испытывать очень негативные и депрессивные ощущения в отношении самого себя и других лиц.

[Заявитель] нуждается в поддержке, что касается его скрываемых от окружающих негативных и депрессивных ощущений, с целью улучшить его общее самочувствие.

Мой совет, что касается помилования, не вселять в [заявителя] ложную надежду и быть откровенным по поводу аспектов его дела.

Если же помилование произойдет, то рекомендуется, чтобы [заявитель] участвовал в программе социальной реинтеграции и социальных навыков и чтобы ему была оказана поддержка как внутри, так и снаружи ИУА для того, чтобы поощрять его независимость и функционирование в обществе...».

38. 26 марта 2012 г. Арубский фонд условного осуждения, социальной реабилитации и защиты несовершеннолетних (*Stichting Reclassering en Jeugdbescherming*) выпустил доклад, в котором отмечалось, что заявитель мог бы проживать со своей матерью на Арубе и мог бы работать в обойной мастерской. Сотрудник, составивший доклад, затруднился оценить риск рецидива преступлений, однако счел, что при соответствующей поддержке после освобождения из заключения его перспективы успешной интеграции в обществе были хорошими.

39. По запросу Объединенного суда были подготовлены три доклада.

40. В первом из них, который был издан ИУА 25 мая 2012 г., указывалось следующее:

«[Заявитель], спокойный тихий человек 59 лет, который никогда не имел дисциплинарных взысканий в период своего заключения... Он выполняет свои обязанности надлежащим образом и к удовлетворению сотрудников тюрьмы. В принципе он работает один, но иногда готов обучать других заключенных профессии обойщика... Он всегда вежлив и уважительно относится к сотрудникам тюрьмы, ни у одного из них не было жалоб на него. Он редко имеет какие-либо контакты с социальным работником, и если он контактирует с ним, то всегда задает одни и те же вопросы. Он как бы забывает темы, которые уже обсуждались...».

41. Второй доклад был составлен 21 июля 2012 г. психиатром M.V., который пришел к следующему выводу:

«Тест личности показал, что обследуемый имеет антисоциальное расстройство личности с легкими чертами психопатии. Есть также признаки нарциссических черт характера. Структура характера является жесткой, но это проявляется несильно, возможно, из-за его возраста. Риск того, что он вновь нарушит закон или окажется в неприятной ситуации в какой-то другой форме по возвращении в общество, считается имеющим место (умеренный риск по сравнению с поднадзорными психиатрами заключенными)... В целом обследуемого можно описать как асоциальную личность, более неприятные проявления которой были смягчены... Вполне вероятно, что его личность не изменится. Личность формируется в возрасте до 35 лет, после чего происходят только небольшие изменения. Обследование показывает, что личностный профиль обследуемого является довольно жестким. Он поэтому всегда будет довольно неприятным человеком в своих отношениях с другими людьми и всегда будет испытывать трудности в установлении и поддержании социальных контактов. Учитывая его личность, я оцениваю его шансы на успешную интеграцию в общество как мизерные».

42. Третий доклад, запрошенный Объединенным судом, был подготовлен психиатром G.E.M. 17 августа 2012 г., и в нем содержался следующий вывод:

«Обследуемый, тем не менее, страдает от тяжелого антисоциального расстройства личности, характеризуется высоко недифференцированным, довольно примитивным эмоциональным сознанием, недоразвитым чувством совести, зачаточными социальными навыками, отсутствием чувства сопереживания... Хотя обследуемый характеризовался проблематичным и агрессивным поведением в течение первых нескольких лет его заключения, включая даже попытку отравления, он практически был образцовым заключенным в течение последних несколько лет... Это изменение в поведении в значительной степени обусловлено структурой, предусмотренной нахождением в тюрьме, и тем фактом, что сейчас он намного старше (ему почти 60 лет) и, вероятно, он будет становиться всё более и более спокойным с годами... Что касается риска совершения им новых преступлений в случае освобождения из тюрьмы, то я придерживаюсь двух позиций. Хотя обследо-

уемый является почти образцовым заключенным, его черты характера по сути не изменились. Он продолжает быть человеком с серьезной недееспособностью. Остается под сомнением, как он будет реагировать на окружение, и в какой степени он сможет выжить, как только исчезнет структура, действующая в тюрьме».

5. Психиатрическая помощь заявителю после проведения периодической проверки законности и обоснованности назначенного ему наказания

43. Следуя решению от 21 сентября 2012 г., вынесенному Объединенным судом, прокуратура Кюрасао заключила, что для заявителя желательно иметь более структурированный контакт с психиатром. По этой причине генеральный прокурор Кюрасао просил своего коллегу на Арубе обеспечить, чтобы с заявителем регулярно встречался психиатр, который консультировал бы его на основе плана лечения в той мере, в какой такие встречи можно организовать в рамках ограничений, вытекающих из исполнения назначенного ему наказания в виде пожизненного лишения свободы.

6. Документы, составленные после помилования заявителя

44. Документ, озаглавленный «Доклад психолога», был составлен психологом тюрьмы на Арубе J.S.M. (который содержал заключение о состоянии заявителя для целей периодической проверки законности и обоснованности назначенного заявителю наказания, см. § 37 настоящего Постановления) 24 июля 2014 г., по всей видимости, по просьбе представителя заявителя. Эта психолог указала, что она провела психологический тест заявителя и собеседование с ним во время (2011 год), когда она работала в тюрьме только в течение нескольких месяцев. Она не знала, что предлагалось заявителю до того. Того короткого периода, в течение которого она контактировала с заявителем, ей было недостаточно для подготовки плана психологической поддержки или его выполнения.

45. Второй документ, озаглавленный «Доклад психолога», был составлен тем же психологом 1 сентября 2014 г. по просьбе властей. Кроме одного предложения данный доклад идентичен докладу от 24 июля 2014 г. Предложение, о котором идет речь, гласит, что после ознакомления с медицинской картой заявителя психолог заявила, что никакого психологического или психиатрического лечения заявителя не осуществлялось.

46. В электронном письме от 29 июля 2014 г. представителю заявителя старший социальный работник тюрьмы на Арубе заявил, что ничто в тюремной медицинской карте заявителя, который был доставлен на Арубу в 1999 году, не указывает на то, что его лечил психиатр или психолог.

ИУА наняло психолога в 2011 году, но она не занималась лечением заявителя. Заявитель посещал отдел социальной работы тюрьмы с определенной регулярностью с целью проведения бесед или урегулирования практических вопросов.

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО НИДЕРЛАНДОВ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

А. НАКАЗАНИЯ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

47. Заявитель был признан виновным в совершении преступления, наказываемого в соответствии со статьей 302 Уголовного кодекса Нидерландских Антильских островов (*Wetboek van Strafrecht van de Nederlandse Antillen*), которая в период, относящийся к обстоятельствам дела, предусматривала следующее:

«Любой, кто сознательно и умышленно лишает жизни другое лицо, наказывается как виновный в умышленном убийстве с лишением свободы пожизненно или на срок не более 20 лет».

48. Статья 17 Национального ордонанса о тюрьмах (*Landsverordening Beginselen Gevangeniswezen*), который вступил в силу в 1999 году и был инкорпорирован в законодательство Кюрасао, когда Кюрасао стал автономным государственным образованием 10 октября 2010 г. (см. § 9 настоящего Постановления), в соответствующих частях гласила:

«При сохранении характера наказания к лишению свободы... его исполнение также должно служить тому, чтобы готовить соответствующих лиц к возвращению в общество».

В. АКТЫ ПОМИЛОВАНИЯ НА КЮРАСАО

49. Полномочие даровать помилование принадлежит губернатору. До 10 октября 2010 г. это регулировалось частью первой статьи 16 Конституции (*Staatsregeling*) Нидерландских Антильских островов, которая предусматривала:

«Губернатор вправе, проконсультировавшись с судом, который вынес приговор, даровать помилование любому человеку, осужденному и наказанному приговором суда».

50. С 10 октября 2010 г. статья 93 Конституции Кюрасао предусматривает следующее:

«Помилование даруется декретом страны после того, как были проведены консультации с судом, который вынес приговор, с учетом положений, установленных согласно ордонансу страны».

Подобные декреты страны издаются губернатором.

51. Процедура помилования, применимая к людям, отбывающим наказание в виде пожизненного лишения свободы на Кюрасао, практически такая же, которая используется на бывших

Нидерландских Антильских островах. Помилование осуществляется в соответствии с Декретом о помилованиях 1976 года (*Gratieregeling 1976*, правительственный декрет Королевства (*Algemene Maatregel van Rijksbestuur*), который вступил в силу на Нидерландских Антильских островах 1 октября 1976 г. и был инкорпорирован в законодательство Кюрасао, когда Кюрасао стал автономным государственным образованием 10 октября 2010 г. (см. § 9 настоящего Постановления). Процедура помилования одинакова для всех осужденных лиц, отбывающих наказание в виде пожизненного лишения свободы или отбывающих наказание с фиксированным сроком.

52. Прошение о помиловании может быть подано в письменном виде осужденным лицом или его адвокатом. Прошение в принципе должно быть подано губернатору страны королевства, в которой человек был осужден. Если осужденное лицо переводится в другую страну королевства отбывать наказание, назначенное на Кюрасао, то действуют правила и процедуры, применимые к помилованию в этой стране, если не согласовано иное, когда осужденное лицо переводится в другое место (как в настоящем деле: правила и процедуры в отношении помилования на Кюрасао продолжают применяться к заявителю после перевода на Арубу).

53. По получении прошения о помиловании оно направляется для дачи заключения в суд, выносивший приговор по делу, в настоящем деле это Объединенный суд. В свою очередь Объединенный суд получает заключение от генерального прокурора. Последний решает, какая информация является необходимой, такая как доклад по вопросу об условном осуждении. Это может следовать, например, из сообщений исправительного учреждения, указывающих, что поведение осужденного изменилось. При необходимости также можно проконсультироваться с экспертом в области поведения, но психологическая или психиатрическая экспертиза не является обязательной.

54. На основе собственных выводов и рекомендаций прокуратуры коллегией из трех судей принимается мотивированное заключение для губернатора, который в итоге выносит решение об удовлетворении или отклонении прошения о помиловании. Помимо вида наказания и тяжести преступления, другие аспекты, такие как возраст лица, отбывающего наказание в виде пожизненного лишения свободы, могут при этом сыграть свою роль. Опасность, которую человек представляет для общества, также является важным фактором при принятии решения о помиловании. Если помилование даруется, то наказание может быть отменено, сокращено или смягчено. Декрет о помилованиях 1976 года не содержит положений, обязывающих губернатора мотивировать свое решение по просьбе о помиловании. Однако в пояснительной записке (*Memorie van Toelichting*) к статье 93

Конституции Кюрасао говорится, что, если помилование предоставляется вопреки заключению суда, то основания для этого решения должны быть четко изложены в декрете страны.

С. ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПРОВЕРКА ЗАКОННОСТИ И ОБОСНОВАННОСТИ НАКАЗАНИЙ В ВИДЕ ПОЖИЗНЕННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

55. С 15 ноября 2011 г. на Кюрасао требуется проведение периодических проверок законности и обоснованности наказаний в виде пожизненного лишения свободы. Статья 1:30 Уголовного кодекса Кюрасао устанавливает следующее:

«1. Любое осужденное лицо, которому назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы, может освободиться из заключения в порядке условно-досрочного освобождения после того, как лишение свободы продолжалось как минимум 20 лет, если, по мнению [Объединенного] суда, дальнейшее безусловное исполнение наказания уже не служит какой-либо разумной цели.

2. [Объединенный] суд в любом случае должен учитывать позицию потерпевшего от преступления или его близких родственников и риск рецидива преступлений.

3. Если [Объединенный] суд решит не освобождать соответствующее лицо, он рассмотрит ситуацию еще раз через пять лет и при необходимости раз в пять лет после этого...

7. Не предусмотрено каких-либо средств правовой защиты в отношении решения Объединенного суда».

56. В пояснительной записке к этой норме указывается, *inter alia*, следующее:

«Исполнение наказания к лишению свободы, которое не оставляет надежды на возвращение в общество, может обернуться бесчеловечной ситуацией. При этом можно сослаться на мнение Верховного суда... от 28 февраля 2006 г. LJN (*Landelijk Jurisprudentie Nummer* [номер акта в реестре национальной судебной практики]) AU9381. На лекции в Университете Нидерландских Антильских островов 13 апреля 2006 г. ...профессор уголовного права Д.Х. де Йонг (*D.H. de Jong*) предложил проводить периодическую проверку законности и обоснованности приговоров к пожизненному лишению свободы. Такая ситуация соответствовала бы подходу Европейского Суда, который в Постановлении по делу «Уинн против Соединенного Королевства» (*Wynne v. United Kingdom*) (от 18 июля 1994 г., Series A, № 294-A), дело, в котором наказание не совпадало прямо с нашим наказанием к лишению свободы пожизненно, указал, *inter alia*, что периодическая проверка законности и обоснованности должна проводиться в зависимости от «характера и цели лишения свободы в свете целей назначившего ему наказание суда».

В ответ на это данная норма, [то есть статья 1:30 Уголовного кодекса], обязывает [Объединенный суд] пересмотреть положение лица, осужденного к пожизненному лишению свободы, после

20 лет отбывания наказания и при необходимости пересматривать его каждые пять последующих лет. Мы понимаем, что это напоминает регулирование помилования, но хотели бы особо подчеркнуть, что данная процедура не влияет на возможность предоставления помилования согласно обычной процедуре. Цель процедуры, [предусмотренной в статье 1:30], не допустить исполнения наказания к лишению свободы пожизненно автоматически или по ненадлежащим причинам, приводящего соответствующих лиц к жизни без надежды. Разумеется, интересы осужденного лица должны быть взвешены по отношению к интересам общества и, в частности, должны приниматься во внимание положение родственников потерпевшего или самих потерпевших. Часть вторая [статьи 1:30] ссылается на риск рецидива преступлений; очевидно, что [Объединенный] суд для этого позволит себе быть проинформированным экспертом в области поведенческой науки».

III. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ И ЕВРОПЕЙСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

А. ДОКЛАД ЕВРОПЕЙСКОГО КОМИТЕТА ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПЫТОК И БЕСЧЕЛОВЕЧНОГО ИЛИ УНИЖАЮЩЕГО ДОСТОИНСТВО ОБРАЩЕНИЯ ИЛИ НАКАЗАНИЯ (ДАЛЕЕ – ЕКПП) О СВОЕМ ПОСЕЩЕНИИ АРУБЫ И НИДЕРЛАНДСКИХ АНТИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ В 2007 ГОДУ

57. Делегация ЕКПП посетила Арубу с 4 по 7 июня 2007 г. и Нидерландские Антильские острова с 7 по 13 июня 2007 г. Имеющие отношение к настоящему делу части доклада ЕКПП (документ ЕКПП [CPT/Inf(2008)2] от 5 февраля 2008 г.) гласят следующее:

«...ЧАСТЬ II. ВИЗИТ НА АРУБУ

<...>

С. Исправительное учреждение Арубы – ИУА

...3. Условия содержания под стражей

...b) Режим

69. Двое заключенных отбывали наказание к пожизненному лишению свободы на момент визита, и 26 заключенных отбывали наказание к лишению свободы на длительные сроки продолжительностью от 10 до 22 лет. Однако такие заключенные, которые составляли более 12% осужденных, по-видимому, не пользовались более благоприятным режимом, чем ограниченный режим, предлагавшийся всем заключенным. При этом они не пользовались и адекватной психологической поддержкой.

...ЕКПП рекомендует властям Арубы разработать политику по отношению к заключенным, отбывающим наказание в виде пожизненного лишения свободы, и другим заключенным, отбывающим наказание к лишению свободы на длительные сроки...

f) Психиатрическая и психологическая помощь

79. В принципе психиатр приходил в ИУА раз в месяц. Тем не менее делегация отметила, что он не посещал учреждение вот уже несколько месяцев. Отсутствие оказания психиатрической помощи является по сути вопросом бюджета...

Центр судебно-медицинского наблюдения и консультирования (ОСМНК) в тюрьме, вмещающий 10 заключенных, был создан недавно. Однако из-за нехватки персонала, как медиков, так и охранников, ОСМНК не был введен в эксплуатацию. В теории заключенные могут получать психиатрическое лечение в крайних случаях в отделении ПААЗ в больнице имени Одубера, но случаи госпитализации были очень редки...

ЧАСТЬ 3. ВИЗИТ НА НИДЕРЛАНДСКИЕ АНТИЛЬСКИЕ ОСТРОВА

...6. Медицинские услуги

...b) Психиатрическая и психологическая помощь в тюрьме “Бон футуро” [на Кюрасао]

60. Психиатр работал в тюрьме “Бон футуро” (кроме ОСМНК...) на полставки. Однако заключенные не получали психологической помощи (один психолог посещал только ОСМНК). По мнению ЕКПП, учреждение по размерам, как тюрьма “Бон футуро”, должно иметь возможность надеяться на услуги, по крайней мере, одного штатного психолога. **ЕКПП рекомендует, чтобы штатный психолог был бы как можно скорее принят на работу для тюрьмы “Бон футуро”.**

61. Отделение судебно-медицинского наблюдения и консультирования (или ОСМНК) в тюрьме “Бон футуро” было создано в целях удовлетворения потребностей тех или иных проблемных заключенных в отсутствие более подходящего больничного окружения [выделено в оригинале документа]...».

В. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОКУМЕНТЫ О НАКАЗАНИИ В ВИДЕ ПОЖИЗНЕННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

1. Документы Совета Европы

(a) Резолюция № (76)2

58. Начиная с 1976 года Комитет министров Совета Европы принял ряд резолюций и рекомендаций по вопросу о положении заключенных, осужденных к длительным срокам лишения свободы, и заключенных, осужденных к пожизненному лишению свободы. Первой из этой серии была Резолюция № (76)2 Комитета министров от 17 февраля 1976 г., которая содержала несколько рекомендаций для государств – членов Совета Европы. Среди них содержатся следующие рекомендации:

«...1) проводить в области уголовного права такую политику, в соответствии с которой длительные сроки лишения свободы применяются лишь в тех случаях, когда это необходимо для защиты интересов общества;

2) принимать необходимые законодательные и административные меры для обеспечения надлежа-

щего обращения с заключенными в течение срока исполнения таких приговоров...

9) обеспечивать по возможности скорейшее рассмотрение дел всех заключенных в целях определения возможности условного освобождения;

10) предоставлять заключенным условное освобождение с соблюдением предусмотренных законом требований в отношении продолжительности отбытого срока наказания, как только появляется возможность прогноза положительного поведения заключенного; соображения общего предупреждения преступности не должны служить оправданием отказа в условном освобождении;

11) распространять на лиц, осужденных на пожизненное заключение, действие тех же принципов, что и в отношении осужденных на длительные сроки лишения свободы;

12) обеспечить, чтобы пересмотр, как об этом говорится в пункте 9, приговоров к пожизненному тюремному заключению, если это не было сделано ранее, проводился после 8–14 лет содержания под стражей и затем повторялся через регулярные интервалы...».

(b) Рекомендация Комитета министров Совета Европы № Rec(2003)23

59. Рекомендация № Rec(2003)23 («Об осуществлении исполнения наказания в виде пожизненного заключения и других длительных сроков заключения администрациями мест лишения свободы») была принята Комитетом министров Совета Европы 9 октября 2003 г. В Преамбуле к этой рекомендации говорится, что:

«...применение наказаний, связанных с лишением свободы, требует установления баланса между обеспечением безопасности, законности и порядка в местах лишения свободы, с одной стороны, и надлежащих условий жизни заключенных, эффективными режимами и конструктивной подготовкой к освобождению, с другой...».

В пункте 2 рекомендации далее указывается, что целями работы с заключенными, осужденными к пожизненному лишению свободы, и другими заключенными, осужденными к длительным срокам лишения свободы, должны быть:

«– гарантия, что места лишения свободы находятся в безопасных и надежных местах для заключенных и для всех в них работающих или их навещающих;

– противодействие негативному влиянию пожизненного и длительного заключения;

– увеличение и совершенствование возможностей таких заключенных для успешного возврата в общество и приведение к законопослушной жизни после их освобождения...».

Включенными в общие принципы этой рекомендации для работы с такими заключенными являются: (i) персональный принцип (должно быть обращено внимание на учет различных личных характеристик среди заключенных с пожизненным и длительным сроком наказания. При исполнении наказания

в расчет должны быть приняты их личные качества, и (ii) прогрессивный принцип (индивидуальное планирование осуществления исполнения наказания заключенных с пожизненным или длительным сроком осуждения должно ставить своей целью защиту положительного развития через пенитенциарную систему) (см. пункты 3 и 8 рекомендации). В докладе, сопровождающем рекомендации (подготовлен под эгидой Европейского комитета по проблемам преступности), дополнительно указано, что прогресс имеет своей конечной целью конструктивный переход от жизни в месте заключения к жизни в обществе (пункт 44 доклада).

Пункт 10 (о планировании исполнения наказания) предусматривает, что такие планы должны быть использованы для обеспечения системного подхода, *inter alia*, к положительному развитию посредством пенитенциарной системы для уменьшения ограничительных условий, в идеале окончание срока заключения, проходящее незамкнуто, было бы предпочтительно в обществе; условиям и мерам контроля, способствующим законопослушной жизни и приспособлению к жизни в обществе после условного освобождения.

Пункт 16 предусматривает, что, так как ни риски, ни криминогенные наклонности не являются по существу постоянными характеристиками, оценка риска и наклонностей должна периодически повторяться подготовленным соответствующим образом персоналом в соответствии с требованиями планирования исполнения наказания или по необходимости.

И наконец, пункты 33 и 34 (об управлении реинтеграцией в общество) устанавливают:

«33. Для предоставления возможности заключенным с наказанием в виде пожизненного и других длительных сроков заключения преодолеть специфические проблемы, возникающие при адаптации после длительного заключения к законопослушной жизни в обществе, их освобождение должно быть изначально хорошо подготовлено и особенно должны быть приняты во внимание:

– необходимость в специальных планах до и после освобождения, которые учитывают существующие риски и наклонности;

– обязательный учет возможности освобождения и продолжение программ после освобождения, вмешательства или содержания, имеющее место (предпринятое) заключенными во время нахождения в заключении;

– необходимость добиваться тесного сотрудничества между администрацией тюрьмы и органами, осуществляющими контроль после освобождения, социальными и медицинскими службами.

34. Поддержка и осуществление условного освобождения для заключенных с наказанием в виде пожизненного и других длительных сроков освобождения должны основываться на принципах, установленных в Рекомендации № Rec(2003)22 «Об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания».

В отношении пункта 34 в докладе, сопровождающем рекомендацию, говорится (пункт 131):

«Рекомендация № Rec(2003)22 содержит принцип, согласно которому условно-досрочное освобождение от отбывания наказания должно быть доступно всем заключенным, кроме тех, кто отбывает чрезвычайно короткие сроки наказания. Согласно положениям рекомендации данный принцип применим даже к заключенным, осужденным к пожизненному лишению свободы. Однако следует отметить, что рекомендуется именно возможность предоставления условно-досрочного освобождения пожизненно осужденным заключенным, а не то, что им должно всегда предоставляться условно-досрочное освобождение от отбывания наказания».

(с) Рекомендация Комитета министров Совета Европы № Rec(2003)22

60. Рекомендация Rec(2003)22 («Об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания») была принята Комитетом министров Совета Европы 24 сентября 2003 г. Ее подробное обобщенное изложение содержится в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кафкарис против Кипра» (*Kafkaris v. Cyprus*), жалоба № 21906/04, § 72, *ECHR* 2008). В целом она предусматривает ряд рекомендаций, регулирующих подготовку к условно-досрочному освобождению от отбывания наказания, его предоставление, условия, которые при этом могут быть установлены, и процессуальные гарантии. К ее общим принципам относятся пункт 3 и подпункт «а» пункта 4, согласно которым:

«3. Условно-досрочное освобождение должно содействовать переходу заключенного от жизни в тюрьме к законопослушной жизни в обществе посредством наложения на него обязанностей, которые он должен соблюдать после освобождения, и осуществления контроля за ним, что способствовало бы достижению этой цели, защите общественной безопасности и сокращению уровня преступности в обществе.

4.(а) Чтобы уменьшить неблагоприятные последствия лишения свободы и способствовать возвращению заключенного в общество на условиях, гарантировавших бы безопасность общества, условно-досрочное освобождение должно быть по закону доступным каждому заключенному, в том числе лицам, осужденным к пожизненному лишению свободы».

В пояснительной записке, сопровождающей эту рекомендацию, в отношении пункта 4 указано следующее:

«Заключенных, осужденных пожизненно, нельзя лишать надежды на условно-досрочное освобождение от отбывания наказания. Во-первых, никто не может обоснованно утверждать, что все заключенные, осужденные к лишению свободы пожизненно, всегда будут оставаться опасными для общества. Во-вторых, заключение лиц, которые не имеют надежды на освобождение из заключения, создает серьезные проблемы управ-

ления с точки зрения создания стимулов для сотрудничества и противодействия агрессивному поведению, исполнения персональных программ развития, организации планов исполнения наказания и обеспечения безопасности. Страны, законодательство которых предусматривает реальные наказания в виде пожизненного лишения свободы, должны создавать возможности для проверки законности и обоснованности этого наказания по прошествии ряда лет и через регулярные промежутки времени, чтобы установить, не может ли пожизненно осужденный отбывать оставшийся срок наказания в обществе и при каких условиях и надзорных мерах».

(d) Меморандум ЕКПП о реальных наказаниях к пожизненному лишению свободы

61. В меморандуме «Фактическое/реальное пожизненное лишение свободы», подготовленном членом ЕКПП, Йоргеном Ворсае Расмуссеном (СРТ(2007)55, от 27 июня 2007 г.), рассматриваются различные документы Совета Европы о наказании в виде пожизненного лишения свободы, включая Рекомендации №№ Rec(2003)22 и Rec(2003)23, и указывается, что (а) принцип доступности условно-досрочного освобождения от отбывания наказания относится ко всем заключенным, «даже пожизненно осужденным», и (б) что во всех государствах – членах Совета Европы предусматривается досрочное освобождение от отбывания наказания по гуманитарным соображениям, но это «особая форма освобождения», отличающаяся от условно-досрочного освобождения от отбывания наказания.

В меморандуме отмечено мнение о том, что дискреционное освобождение из мест лишения свободы, как и назначение наказания в виде лишения свободы, является прерогативой судов, а не исполнительной власти, мнение, которое привело в Дании, Финляндии и Швеции к внесению предлагаемых изменений в порядок проверки законности и обоснованности наказания в виде пожизненного лишения свободы. В документе также с одобрением цитируется доклад ЕКПП о посещении им Венгрии в 2007 году, в котором говорится:

«Что касается “фактических пожизненных”, то ЕКПП имеет серьезные замечания по поводу самой концепции, согласно которой такие заключенные, как только им были назначены наказания, раз и навсегда считаются постоянной угрозой для общества и лишены всякой надежды на условно-досрочное освобождение от отбывания наказания».

Вывод включал в себя следующие рекомендации: никакую категорию заключенных нельзя «заклеймить» как имеющую больше возможности провести свою жизнь в тюрьме, ни один отказ в освобождении из заключения не должен быть окончательным, и даже отозванные со свободы заключенные не должны быть лишены надежды на освобождение от отбывания наказания.

(e) Доклад ЕКПП по Швейцарии

62. Доклад ЕКПП по итогам его посещения Швейцарии 10–20 октября 2011 г. (СРТ/Inf(2012)26 от 25 октября 2012 г.) содержал следующие замечания о системе пожизненного лишения свободы в Швейцарии, в которой лицо, совершившее половое или насильственное преступление, считается чрезвычайно опасным, и его поведение оценивается как неподдающееся исправлению:

«ЕКПП имеет серьезные замечания в отношении концепции заключения “на всю жизнь”, в соответствии с которой люди, будучи признанными особо опасными и не поддающимися исправлению, считаются навсегда представляющими постоянную опасность для общества, и, таким образом, они формально лишены всякой надежды на более мягкое исполнение наказания и даже условно-досрочное освобождение от отбывания наказания к лишению свободы. Так как единственным способом, с помощью которого заинтересованное лицо может повлиять на возможное освобождение, являются научные достижения, он лишен возможности влиять на возможное освобождение, например, хорошим поведением в ходе отбывания наказания.

В этом отношении ЕКПП ссылается на Рекомендацию № (2006)2 Комитета министров Совета Европы от 11 января 2006 г. о Европейских пенитенциарных правилах, равно как и на подпункт «а» пункта 4 Рекомендации № (2003)22 Комитета министров Совета Европы от 24 сентября 2003 г., касающейся условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, которые явно указывают на то, что закон должен предусматривать возможность для всех осужденных заключенных, включая тех, кто отбывает наказание в виде пожизненного лишения свободы, воспользоваться условно-досрочным освобождением. В Пояснительной записке к последнему документу настаивается на том, что заключенные, осужденные к пожизненному лишению свободы, не должны быть лишены всякой надежды на освобождение от отбывания наказания.

Поэтому ЕКПП считает, что бесчеловечно лишать кого-либо свободы на всю жизнь без какой-либо реальной надежды на освобождение. Комитет настоятельно призывает власти Швейцарии пересмотреть концепцию заключения “на всю жизнь” соответствующим образом» [выделено в оригинале документа].

2. Международное уголовное право

63. Статья 77 Римского статута Международного уголовного суда (далее – МУС) допускает назначение наказания в виде пожизненного лишения свободы, когда это оправдано исключительно тяжким характером преступления и личными обстоятельствами осужденного. Пункт 3 статьи 110 МУС устанавливает, что, когда человек отбыл 25 лет наказания в виде пожизненного лишения свободы, МУС должен проверить наказание с целью определить, не следует ли его снизить. Такой пересмотр не должен проводиться до этого времени. Пункты 4 и 5 статьи 110 МУС гласят:

«4. При осуществлении обзора на основании пункта 3 Суд может вынести решение об уменьшении срока наказания, если он устанавливает наличие одного или нескольких из следующих факторов:

- а) выраженная на раннем этапе неизменная готовность лица сотрудничать с Судом в проводимых им расследованиях и уголовном преследовании;
- б) добровольная помощь со стороны лица в обеспечении исполнения решений и приказов Суда в других случаях и, в частности, оказание помощи с целью выявления местонахождения активов, на которые распространяется действие постановлений о штрафе, конфискации или возмещении ущерба и которые могут использоваться в интересах потерпевших, или
- с) другие факторы, предусмотренные в Правилах процедуры и доказывания, которые свидетельствуют о явном и существенном изменении обстоятельств, достаточном для того, чтобы послужить основанием для уменьшения наказания.

5. Если при первоначальном обзоре согласно пункту 3 Суд приходит к выводу о нецелесообразности уменьшения срока наказания, то вопрос об уменьшении срока наказания рассматривается им впоследствии через такие промежутки времени и с применением таких критериев, какие предусмотрены в Правилах процедуры и доказывания».

Порядок и дополнительные критерии проверки изложены в правилах 223 и 224 Правил процедуры и доказывания.

Правило 223 устанавливает следующее:

«Критерии рассмотрения вопроса об уменьшении срока наказания

При рассмотрении вопроса об уменьшении срока наказания по приговору в соответствии с пунктами 3 и 5 статьи 110 три судьи Апелляционной палаты принимают во внимание критерии, перечисленные в пунктах 4(а) и 4(б) статьи 110, и следующие критерии:

- а) поведение осужденного в заключении, свидетельствующее об искреннем раскаянии в совершенном преступлении;
- б) возможность возвращения осужденного в общество и возобновления нормальной жизни;
- с) не вызовет ли досрочное освобождение осужденного значительной социальной напряженности;
- д) любые значимые действия, совершенные осужденным в пользу потерпевших, а также любые последствия досрочного освобождения для положения потерпевших и членов их семей;
- е) личные обстоятельства осужденного, включая ухудшение состояния его физического или психического здоровья или преклонный возраст».

Пункт 3 правила 224 предусматривает, что для применения пункта 5 статьи 110 Статута трое судей Апелляционной палаты рассматривают вопрос об уменьшении срока наказания каждые три года, если только более короткий период не был установлен в решении, вынесенном в порядке пункта 3 статьи 110. В соответствии с пунктом 3 правила 224 в случае существенного изменения

обстоятельств эти трое судей могут разрешить осужденному подать прошение об уменьшении срока наказания в течение трех лет или более короткого периода, который может быть установлен тремя судьями.

64. Согласно статье 27 Статута Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии наказания к лишению свободы отбываются в государстве, назначаемом Международным трибуналом. Такое наказание к лишению свободы отбывается в соответствии с действующим законодательством соответствующего государства при надзоре со стороны Международного трибунала. Статья 28 Статута (о помиловании или смягчении приговоров) гласит:

«Если в соответствии с применимым законодательством государство, в котором отбывает тюремное заключение осужденное лицо, он или она имеет право на помилование или смягчение приговора, то соответствующее государство надлежащим образом уведомляет об этом Международный трибунал. Председатель Международного трибунала при консультации с судьями принимает решение по этому вопросу исходя из интересов правосудия и общих принципов права».

Нормы, схожие со статьями 27 и 28 Статута Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии, содержатся в Статуте Международного уголовного трибунала по Руанде (статьи 26 и 27), Статуте специального суда по Сьерра-Леоне (статьи 22 и 23) и Статуте специального трибунала по Ливану (статьи 29 и 30).

3. Правовые нормы Европейского союза

65. Пункт 2 статьи 5 Рамочного решения Совета Европейского союза от 13 июня 2002 г. о Европейском ордере на арест и процедурах передачи лиц между государствами-членами устанавливает следующее:

«Если преступление, на основе которого был выдан Европейский ордер на заключение, наказывается лишением свободы или пожизненным заключением, выполнение указанного ордера может производиться при условии, что положения правовой системы выдающего его государства-члена содержат или нормы о пересмотре наказания или назначенной меры по ходатайству не позднее чем через 20 лет, или о применении помилования, о котором лицо имеет право подать ходатайство в соответствии с законом или практикой выдающего государства-члена, направленные на неисполнение таких наказаний или мер».

С. ДОКУМЕНТЫ СОВЕТА ЕВРОПЫ ОБ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКОЙ (ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ) ПОМОЩИ ЗАКЛЮЧЕННЫМ

66. Рекомендация № R(98)7 Комитета министров Совета Европы государствам – членам Совета

Европы относительно этических и организационных аспектов обеспечения медицинской помощью в местах заключения, которая была принята 8 апреля 1998 г., в частях, имеющих отношение к настоящему делу, гласит следующее:

«I. Основные характеристики права на обеспечение медицинской помощью в местах заключения

A. Доступ к врачу

1. ...Все заключенные должны проходить соответствующий медицинский осмотр при поступлении в место заключения. Особое внимание следует уделять проверке психических расстройств...

3. Служба здравоохранения места заключения должна, по крайней мере, иметь возможность предоставлять амбулаторные консультации и экстренное лечение. Когда состояние здоровья заключенных требует лечения, которое не может быть гарантировано в месте заключения, необходимо сделать всё возможное, чтобы обеспечить лечение во всей безопасности в учреждениях здравоохранения за пределами места заключения...

5. Необходимо обеспечить доступ к консультациям психиатра. В крупных пенитенциарных учреждениях должна иметься штатная группа психиатров. Если это недоступно, как в небольших учреждениях, консультации должны предоставляться психиатром, практикующим в больнице или частным образом...

III. Организация обеспечения медицинской помощью в местах заключения с уделением особого внимания решению некоторых общих проблем

D. Психиатрические симптомы, психическое расстройство и основные расстройства личности, риск самоубийства

55. Заключенные, страдающие серьезными психическими расстройствами, должны содержаться в больничном стационаре, который адекватно оборудован и располагает квалифицированным персоналом. Решение поместить заключенного в общую больницу должно приниматься психиатром при условии разрешения компетентного органа...».

67. Приложение к Рекомендации № Rec(2003)23 Комитета министров государствам – членам Совета Европы о работе администраций мест лишения свободы с заключенными, осужденными к пожизненному лишению свободы, и другими заключенными, осужденными к длительным срокам лишения свободы, принятой 9 октября 2003 г., предусматривает, *inter alia*, следующее:

«...27. Необходимо принять меры для ранней диагностики специалистом заключенных, которые страдают или стали страдать психическими расстройствами, и обеспечить им надлежащее лечение...».

68. Комитет министров Совета Европы подчеркнул в своей Рекомендации № Rec(2006)2 государствам – членам Совета Европы о Европейских пенитенциарных правилах, принятой 11 января

2006 г. на 952-м заседании заместителей министров иностранных дел, что:

«...При исполнении наказаний, предусматривающих лишение свободы, и обращении с заключенными следует учитывать требования безопасности, порядка и дисциплины при одновременном обеспечении таких условий содержания, которые не ущемляли бы достоинство человека и предоставляли возможность включения в полезные занятия и проведения для заключенных соответствующих программ с целью их подготовки к возвращению в общество».

69. С этой целью рекомендовано, чтобы государства-члены, *inter alia*, руководствовались в своем законодательстве, политике и практике правилами, содержащимися в Приложении к рекомендации, соответствующие части которой гласят следующее:

«...12.1. Лица, страдающие душевными заболеваниями или состояние душевного здоровья которых несовместимо с тюремным заключением, должны содержаться в специально предназначенных для этого учреждениях.

12.2. Если, тем не менее, такие лица содержатся в пенитенциарных учреждениях, следует установить специальные правила с учетом их статуса и потребностей...

39. Администрация пенитенциарных учреждений обеспечивает охрану здоровья всех заключенных этих учреждений...

40.3. Заключенные должны иметь доступ к медицинским услугам, имеющимся в стране, без дискриминации на основании их правового положения.

40.4. Медицинские службы пенитенциарных учреждений выявляют и лечат физические и психические заболевания или дефекты, которыми могут страдать заключенные.

40.5. Для этого заключенному оказываются все необходимые медицинские, хирургические и психиатрические услуги, в том числе, имеющиеся в общественных учреждениях...

47.1. Наблюдение и лечение заключенных, страдающих психическими расстройствами или аномалиями, на которых не обязательно распространение положений правила 12, должны проводиться в специализированных пенитенциарных учреждениях или отделениях, находящихся под медицинским контролем.

47.2. Медицинская служба пенитенциарного учреждения обеспечивает психиатрическое лечение всех заключенных, нуждающихся в таком лечении, и уделяет особое внимание предотвращению суицидов...».

**D. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОКУМЕНТЫ
О СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ
ЗАКЛЮЧЕННЫХ**

70. Криминологи называют различные функции, традиционно связываемые с наказанием,

включая воздаяние, превенцию, защиту общества и социальную реабилитацию. Однако в последние годы наметилась тенденция к приданию большего внимания социальной реабилитации, как следует в особенности из правовых документов Совета Европы. В то время как социальная реабилитация была признана в качестве средства предупреждения рецидивизма, в последнее время она более позитивно представляет собой скорее идею ресоциализации через поощрение развития личной ответственности. Эта цель подкрепляется внедрением «принципа поступательности»: в ходе отбывания наказания заключенный должен продвигаться поступательно через пенитенциарную систему, тем самым двигаясь от первых дней исполнения наказания, когда акцент делается на наказании и воздаянии, к поздним этапам, когда основной акцент должен быть сделан на подготовке к освобождению из места лишения свободы.

1. Международные документы по правам человека

71. Пункт 3 статьи 10 Международного пакта о гражданских и политических правах предусматривает, что «пенитенциарной системой предусматривается режим для заключенных, существенной целью которого является их исправление и социальное перевоспитание». В Замечании общего порядка Комитета по правам человека по статье 10 далее говорится, что «ни единая пенитенциарная система не должна быть только карательной. По существу она должна стремиться к исправлению и социальному перевоспитанию заключенного».

72. Минимальные стандартные правила ООН обращения с заключенными (1957 год) содержат конкретные положения об осужденных заключенных, в том числе следующие руководящие принципы:

«...57. Заключение и другие меры, изолирующие правонарушителя от окружающего мира, причиняют ему страдания уже в силу того, что они отнимают у него право на самоопределение, поскольку они лишают его свободы. Поэтому за исключением случаев, когда сегрегация представляется оправданной или когда этого требуют соображения дисциплины, тюремная система не должна усугублять страдания, вытекающие из этого положения».

58. Целью и оправданием приговора к тюремному заключению или вообще к лишению свободы является, в конечном счете, защита общества и предотвращение угрожающих обществу преступлений. Этой цели можно добиться только в том случае, если по отбытии срока заключения и по возвращении к нормальной жизни в обществе правонарушитель оказывается не только готовым, но и способным подчиниться законодательству и обеспечивать свое существование.

59. Для этого заведение должно использовать все исправительные, воспитательные, моральные

и духовные силы и виды помощи, которыми оно располагает и которые оно считает подходящими, применяя их с учетом потребностей перевоспитания каждого заключенного...».

2. Европейские пенитенциарные правила 1987 и 2006 годов

73. Европейские пенитенциарные правила являются рекомендациями Комитета министров Совета Европы государствам – членам Совета Европы в отношении минимальных стандартов, подлежащих применению в местах заключения. Государствам рекомендуется руководствоваться в законодательстве и политике этими правилами и обеспечивать широкое распространение правил среди их судебных органов, а также сотрудников пенитенциарных учреждений и заключенных.

В редакции 1987 года Европейских пенитенциарных правил в качестве их третьего основополагающего принципа отмечается, что:

«Цели исправительного воздействия на осужденных состоят в том, чтобы сохранить их здоровье и достоинство и в той степени, в какой это позволяет срок заключения, способствовать формированию у них чувства ответственности и навыков, которые будут содействовать их реинтеграции в общество, помогут им следовать требованиям законности и удовлетворять свои жизненные потребности собственными силами после освобождения».

Самая поздняя редакция этих Правил, принятая в 2006 году (далее – Правила 2006 года), заменяет вышеупомянутый принцип тремя принципами:

«...**Правило 2.** Лица, лишенные свободы, сохраняют все права, которых они не были по закону лишены на основании решения суда, по которому они приговорены или оставлены под стражей...»

Правило 5. Жизнь в местах лишения свободы должна быть, насколько возможно, приближена к позитивным аспектам жизни в обществе.

Правило 6. Содержание под стражей должно быть организовано таким образом, чтобы способствовать возвращению лиц, лишенных свободы, в общество...».

В комментарии к Правилам 2006 года (подготовленном Европейским комитетом по проблемам преступности) отмечается, что в правиле 2 указывается, что очевидное лишение свободы не означает, что заключенные также автоматически лишаются своих политических, гражданских, социальных, экономических и культурных прав: на самом деле ограничений должно быть как можно меньше. В правиле 5, отмечается в комментарии, подчеркиваются положительные аспекты нормализации, признавая, что, хотя жизнь в пенитенциарном учреждении никогда не будет такой же, как жизнь в свободном обществе, следует предпринимать активные шаги для того, чтобы максимально приблизить условия содержания в пенитенциарном учреждении к нормальной жизни.

В комментарии далее говорится, что в правиле 6 «признается, что заключенные, как ожидающие приговора, так и уже осужденные, в конечном счете, вновь вернутся в общество, и этот аспект необходимо учитывать при организации тюремной жизни».

74. Первый раздел части VIII Правил 2006 года называется «Цели режима для осужденных заключенных» и предусматривает, *inter alia*, следующее:

«...102.1. Помимо правил, применимых ко всем заключенным, режим для осужденных заключенных должен быть направлен на то, чтобы они вели ответственный образ жизни без совершения преступлений.

102.2. Заключение с лишением свободы само по себе является наказанием, и поэтому режим для осужденных заключенных не должен усугублять страдания, связанные с заключением...».

В этом отношении в Комментарии Европейского комитета по проблемам преступности разъясняется, что в правиле 102:

«...кратко и точно перечислены цели режима содержания заключенных. Акцент сделан на мерах и программах для осужденных заключенных, которые содействовали бы и развивали, прежде всего, индивидуальное чувство ответственности, а не сосредотачивались только на предупреждении рецидивов...».

Новое правило соответствует требованиям основных международных документов, включая пункт 3 статьи 10 Международного пакта о гражданских и политических правах... Однако в отличие от Международного пакта о гражданских и политических правах формулировка, содержащаяся в данном правиле, всячески избегает использования термина «реабилитация», который имеет дополнительное значение насильственно принимаемых мер. Вместо этого в нем подчеркивается важность предоставления осужденным, часто происходящим из социально неблагополучных слоев населения, возможностей для такого развития, которое позволило бы им в дальнейшем самостоятельно избрать законопослушную жизнь.

В этом правиле 102 следует тому же принципу, что и правило 58 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными Организации Объединенных Наций...».

75. Правило 105.1 Правил 2006 года предусматривает, что программа систематического труда должна способствовать достижению цели режима места заключения. Правило 106.1 устанавливает, что систематическая программа образования, включая профессиональное обучение, направленная на повышение общеобразовательного уровня заключенных, а также на улучшение перспективы жить ответственно и не совершая преступлений, должна являться ключевой частью режимов осужденных заключенных. Наконец, правило 107.1 требует, чтобы освобождение из места лишения свободы осужденных заключенных сопровождалось бы специальными программами, позволяющими им осуществить переход к законопослушной жизни в обществе.

76. Причину эволюции в сторону Правил 2006 года можно объяснить с помощью двух упомянутых выше Рекомендаций Комитета министров Совета Европы №№ Rec(2003)22 и Rec(2003)23 (см. §§ 60 и 59 настоящего Постановления), обе из которых затрагивают реабилитационное изменение наказания к лишению свободы. В дополнение к соответствующим положениям этих рекомендаций, уже указанных выше, следует отметить, что пятый пункт преамбулы Рекомендации № Rec(2003)22 об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания к лишению свободы указывает: «исследования показали, что заключение часто имеет неблагоприятные последствия, и ему не удается перевоспитать преступников». В рекомендации (в пункте 8) указываются следующие меры по снижению рецидива преступлений путем установления индивидуальных условий, таких как:

- «– выплата компенсации или предоставление возмещения потерпевшим;
- лечение потребления наркотиков или злоупотребления алкоголем или любое другое излечиваемое состояние, явно связанное с совершением преступления;
- труд или следование некоторым другим утвержденным видам производственной деятельности, например, получение образования или профессиональной подготовки;
- участие в программах личностного развития;
- запрет на проживание в определенных местах или посещение их».

ПРАВО

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

A. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОЗРАЖЕНИЯ ВЛАСТЕЙ НИДЕРЛАНДОВ

1. *Locus standi*¹

(a) Доводы сторон

77. На слушании дела в Большой Палате Европейского Суда власти Нидерландов высказали сомнение в том, что сын заявителя, Джонни Френсис ван Хейнинген, и сестра заявителя, Альтаграсия Мюррей, обладали *locus standi* для продолжения производства по жалобе. Если Европейский Суд требует существования дополнительных личных интересов, кроме близких родственных отношений, как показывает его прецедентная практика, то власти государства-ответчика утверждали, что, по-видимому, заявитель не проявлял особого инте-

¹ *Locus standi* (лат.) – процессуальная правоспособность, право на обращение в суд, право быть выслушанным в суде (примеч. редактора).

реса к кому-либо из троих его детей, и что материалы дела, имеющиеся в распоряжении властей государства-ответчика, не доказывают, что ван Хейнинген когда-либо приходил на свидания с заявителем во время его заключения. Хотя в ситуации с сестрой заявителя Альтаграсией, которая поддерживала контакты со своим братом во второй половине срока его заключения на Арубе, была иной, власти Нидерландов сомневались в том, что в обстоятельствах, когда ближайшие родственники заявителя, а именно его дети, вообще не имели никаких контактов со своим отцом или не проявляли заинтересованности в продолжении производства по жалобе, то эта обязанность возлагается на другого родственника.

78. Сын и сестра заявителя утверждали, что у них был законный интерес в продолжении производства по жалобе, чтобы заручиться постановлением Европейского Суда, в частности, по вопросу о том, что власти были обязаны предоставить заявителю *de facto* перспективу освобождения из места лишения свободы. По их мнению, власти Нидерландов сумели обеспечить заявителя адекватным исправительным воздействием для того, чтобы помочь ему вернуть себе свободу, воссоединиться с семьей и восстановить семейные связи. Несмотря на затраты, ван Хейнингену, который проживает в европейской части Королевства с 1999 года, удалось навестить своего отца в месте заключения шесть раз и поддерживать контакт с ним по телефону. Альтаграсия Мюррей, которая проживает на Арубе, приходила там на свидания со своим братом в месте заключения почти каждую неделю.

(b) Мнение Европейского Суда

79. Европейский Суд обычно разрешает ближайшему родственнику заявителя продолжать производство по жалобе при условии, что у него существует законный интерес в случаях, когда первоначальный заявитель скончался после подачи жалобы в Европейский Суд (см. Решение Большой Палаты Европейского Суда по делу «Малхус против Чешской Республики» (*Malhous v. Czech Republic*), жалоба № 33071/96, *ECHR* 2000-XII, и Решение Европейского Суда по делу «Ларионовс и Тэсс против Латвии» (*Larionovs and Tess v. Latvia*) от 25 ноября 2014 г., жалобы №№ 45520/04 и 19363/05, § 172). С учетом предмета жалобы и имеющихся в его распоряжении материалов Европейский Суд считает, что сын и сестра заявителя имеют законный интерес в продолжении производства по жалобе и что, следовательно, они обладают требуемым *locus standi* в соответствии со статьей 34 Конвенции (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Каррелла против Италии» (*Carrella v. Italy*) от 9 сентября 2014 г., жалоба № 33955/07, §§ 48–51).

80. Исходя из этого и в той степени, в какой замечания государства-ответчика следует рассматривать в качестве предварительного возражения относительно *locus standi* сына и сестры заявителя, Европейский Суд, соответственно, отклоняет данное возражение.

2. Статус жертвы нарушения Конвенции

81. В отношении жалобы заявителя на то, что он не имел шансов на освобождение из места лишения свободы и что помилование как вариант освобождения было неадекватным и неэффективным средством, власти Нидерландов утверждали, что заявитель более не может считаться «жертвой» нарушения статьи 3 Конвенции в значении статьи 34 Конвенции, поскольку он был освобожден из места лишения свободы после того, как его прошение о помиловании было удовлетворено 31 марта 2014 г.

82. Заявитель не представил комментариев по данному поводу.

83. В своей устоявшейся прецедентной практике Европейский Суд исходит из того, что слово «жертва» в контексте статьи 34 Конвенции означает лицо, непосредственно пострадавшее от действий или бездействия, о которых идет речь по делу, при этом наличие нарушения Конвенции возможно даже в случае отсутствия вреда, вред имеет отношение к делу только в контексте статьи 41 Конвенции. Следовательно, решений или мер, благоприятных для заявителя, в принципе недостаточно, чтобы лишить его статуса «жертвы», если только внутригосударственные власти не признали прямо или по существу нарушение Конвенции, а затем предоставили возмещение за это нарушение (см. среди прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Нада против Швейцарии» (*Nada v. Switzerland*), жалоба № 10593/08, § 128, *ECHR* 2012, с дальнейшими отсылками).

84. Европейский Суд отмечает в связи с жалобой заявителя на то, что система помилования не предоставляла ему перспективы освобождения и что в течение 33 лет, проведенных в месте заключения после назначения наказания в виде пожизненного лишения свободы, он много раз безуспешно подавал прошение о помиловании. Хотя, правда, что 31 марта 2014 г. ему было, в конечном счете, даровано помилование по причинам, связанным с ухудшением состояния его здоровья (см. § 30 настоящего Постановления), это решение не являлось признанием нарушения статьи 3 Конвенции. Кроме того, поскольку отсутствовали признаки того, что помилование было даровано в качестве средства компенсации вреда, заявитель мог утверждать, что он явился жертвой утверждаемого им нарушения Конвенции.

Следовательно, Европейский Суд отклоняет возражение государства-ответчика относительно отсутствия у заявителя статуса жертвы нарушения Конвенции.

В. ПРЕДЕЛЫ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА В БОЛЬШОЙ ПАЛАТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

85. В конкретных обстоятельствах настоящего дела Европейский Суд считает, что имеются основания для рассмотрения в некоторых деталях вопроса о конкретных пределах рассмотрения настоящего дела.

86. Прежде всего ходатайство заявителя о передаче дела на рассмотрение Большой Палаты Европейского Суда и его письменные замечания включали доводы в отношении его жалоб по статье 5 Конвенции, которые Палатой Европейского Суда были признаны неприемлемыми для рассмотрения по существу (см. § 4 настоящего Постановления). Однако согласно устоявшейся прецедентной практике Европейского Суда содержание и пределы рассмотрения дела, переданного на рассмотрение Большой Палаты Европейского Суда, ограничены решением Палаты Европейского Суда по вопросу о приемлемости жалобы для ее рассмотрения по существу (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «К. и Т. против Финляндии» (K. and T. v. Finland), жалоба № 25702/94, §§ 140–141, ECHR 2001-VII, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Азинас против Кипра» (Azinas v. Cyprus), жалоба № 56679/00, § 32, ECHR 2004-III, а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ковачич и другие против Словении» (Kovačič and Others v. Slovenia) от 3 октября 2008 г., жалобы №№ 44574/98, 45133/98 и 48316/99, § 194). Это означает, что Большая Палата Европейского Суда не может рассматривать те части жалобы, которые Палатой Европейского Суда были признаны неприемлемыми для рассмотрения по существу. Европейский Суд не видит причин отходить от данного принципа в настоящем деле (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сисоева и другие против Латвии» (исключение жалобы из списка подлежащих рассмотрению дел) (Sisojeva and Others v. Latvia), жалоба № 60654/00, §§ 59–62, ECHR 2007-I).

87. Заявитель дополнительно указал в своем ходатайстве о передаче дела на рассмотрение Большой Палаты Европейского Суда, что из-за того, что ему вообще не предоставлялось психиатрического лечения, он не мог иметь какую-либо надежду, что настанет день его освобождения из заключения. В то же время он «принял» вывод Палаты Европейского Суда, что ввиду создания механизма периодической проверки законности и обоснованности назначенного заявителю наказания в правовой системе страны не было допуще-

но нарушения статьи 3 Конвенции в отношении его жалобы на отсутствие возможности проверки законности и обоснованности назначенного ему наказания в виде лишения свободы пожизненно.

88. В этой связи Европейский Суд подтверждает, что дело, переданное на рассмотрение Большой Палаты Европейского Суда, охватывает все аспекты жалобы, ранее рассмотренные Палатой Европейского Суда в ее постановлении (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «К. и Т. против Финляндии», § 140). Кроме того, нельзя считать, что замечания заявителя о выводе, сделанном Палатой Европейского Суда, представляют собой однозначный отказ от жалобы, учитывая, что в своих письменных замечаниях заявитель представил довод по вопросу о том, было ли назначенное ему наказание в виде пожизненного лишения свободы *de facto* снижаемо, и отвечала ли периодическая проверка законности и обоснованности назначенного заявителю наказания требованиям, сформулированным в прецедентной практике Европейского Суда. Таким образом, представляется, что заявитель не отказывался от этой части своей жалобы. Соответственно Большая Палата Европейского Суда может рассматривать жалобу по статье 3 Конвенции на отсутствие возможности проверки законности и обоснованности назначенного заявителю наказания в виде пожизненного лишения свободы.

89. Наконец, заявитель указал в своих письменных замечаниях, что он более не хочет «настаивать» на своей жалобе по статье 3 Конвенции в отношении физических условий его заключения, касающихся предположительно ненадлежащих условий в тюремных зданиях. Учитывая, что заявитель указал в следующем пункте замечаний, что он хотел бы отстаивать другие свои жалобы, Европейский Суд приходит к выводу, что под «не настаиванием» заявитель имел в виду, что он не желает продолжать рассмотрение данного аспекта своей жалобы по статье 3 Конвенции по смыслу подпункта «а» пункта 1 статьи 37 Конвенции. Установив в соответствии с пунктом 1 статьи 37 Конвенции, *in fine*, что отсутствуют какие-либо особые обстоятельства, касающиеся соблюдения прав человека, предусмотренных в Конвенции и Протоколах к ней, которые требуют от Большой Палаты Европейского Суда поступать подобным образом, поэтому она не будет рассматривать жалобу в данной части.

90. Следовательно, Большая Палата Европейского Суда рассмотрит жалобы заявителя, касающиеся статьи 3 Конвенции, на то, что назначенное ему наказание в виде пожизненного лишения свободы было неснижаемым и что условия его заключения нарушали эту норму Конвенции, в частности, поскольку ему никогда не назначали режим содержания, отвечающий его психическому состоянию, и не предусматривали его соответствующего психиатрического лечения.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

91. Заявитель прежде всего жаловался на то, что назначенное ему наказание в виде пожизненного лишения свободы было *de jure* и *de facto* неснижаемым и что в тюрьмах, в которых он содержался, не было предусмотрено специальных режимов для пожизненно осужденных заключенных или для заключенных с психическими расстройствами. В своем письме от 2 ноября 2012 г. (см. § 3 настоящего Постановления) после завершения периодической проверки законности и обоснованности назначенного заявителю наказания в виде пожизненного лишения свободы он также жаловался на то, что, даже если *de jure* возможность условно-досрочного освобождения от отбывания наказания к лишению свободы была бы создана, то *de facto* у него не было никакой надежды на освобождение из места лишения свободы, так как ему вообще не предоставлялось какое-либо психиатрическое лечение, и по этой причине риск рецидива преступлений был сочтен для него слишком высоким, чтобы он имел право на такое освобождение. Заявитель ссылаясь на статью 3 Конвенции, которая предусматривает:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

А. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

92. В своем Постановлении от 10 декабря 2013 г. Палата Европейского Суда отдельно рассмотрела жалобы заявителя по статье 3 Конвенции о предположительной неснижаемости назначенного ему наказания в виде пожизненного лишения свободы и на условия его заключения. Что касается первой жалобы, то Палата Европейского Суда установила, что властями государства-ответчика не было допущено нарушения статьи 3 Конвенции. Палата Европейского Суда отметила введение в ноябре 2011 года, примерно через 20 месяцев после того, как жалоба была подана, в законодательство страны (то есть Кюрасао) механизма периодической проверки законности и обоснованности таких наказаний и считает, что данный механизм удовлетворяет критериям, изложенным в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Винтер и другие против Соединенного Королевства» (*Vinter and Others v. United Kingdom*), жалобы №№ 66069/09, 130/10 и 3896/10¹, §§ 119–122, *ECHR* 2013 (извлечения). Палата Европейского Суда также отметила, что проверка законности и обоснованности назначен-

ного заявителю наказания в виде лишения свободы пожизненно была действительно проведена, и в ходе нее был составлен ряд экспертных заключений. Принимая во внимание тот факт, что заявитель подал свою жалобу в Европейский Суд только почти через 30 лет после вынесения ему обвинительного приговора, Палата Европейского Суда не видит причин рассматривать вопрос о том, было ли назначенное ему наказание в виде пожизненного лишения свободы *de facto* и *de jure* снижаемым до введения периодической проверки законности и обоснованности назначенного заявителю наказания в 2011 году.

93. Палата Европейского Суда далее решила, что условия заключения заявителя не были несовместимы со статьей 3 Конвенции. Что касается, в частности, жалобы на то, что ему не предоставляли лечения его психического расстройства, Палата Европейского Суда отметила, что за заявителем установили наблюдение психиатром, и в тюрьме на Кюрасао ему была предложена помощь в отношении расстройства личности, но эта помощь прекратилась, когда по собственному желанию он был переведен в тюрьму на Арубе, где психиатрическое лечение не было доступно в той же степени, хотя психиатрическая помощь стала доступной к моменту вынесения Постановлений Палаты Европейского Суда. Кроме того, Палата Европейского Суда подчеркнула, что заявитель не предоставил каких-либо сведений о том, действительно ли он пользовался доступной ему помощью, он также не утверждал, что данная помощь не отвечала его потребностям.

В. ДОВОДЫ СТОРОН В БОЛЬШОЙ ПАЛАТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Заявитель

94. Заявитель утверждал, что из постановления Объединенного суда от 11 марта 1980 г. ясно усматривается, что суд решил назначить ему наказание в виде пожизненного лишения свободы, а не наказание в виде лишения свободы с фиксированным сроком с учетом его психического состояния и опасности для общества и отсутствия в то время подходящего заведения, где он мог бы пройти лечение, рекомендованное врачом-психиатром, который осматривал его, и выводы, которые были сделаны Объединенным судом. Впоследствии заявитель провел более 30 лет в месте заключения, вообще не получая лечения, любая психиатрическая помощь, которая ему могла быть предложена, была не чем иным, как базовой помощью, предоставляемой во всех местах лишения свободы, которая не могла быть приравнена к лечению. Кроме того, не рассматривалась и возможность перевода заявителя в Нидерланды с целью оказать ему там лечение. По словам заявителя, было бы нереаль-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. № 6 (примеч. редактора).

но ожидать, чтобы он сам признал, что нуждается в лечении, и поднять данный вопрос, как указала Палата Европейского Суда в своем Постановлении. Необходимость лечения в любом случае была уже установлена, и власти знали об этом.

95. Заявитель утверждал, что возможность обращения с прошением о помиловании не может считаться проверкой законности и обоснованности назначенного наказания, поскольку, *inter alia*, эта процедура не урегулирована законом, и губернатор не обязан указывать мотивы постановления об отказе в помиловании. Ни одно прошение о помиловании, поданное им, не привело к проведению психологической или психиатрической экспертизы с целью определения того, представляет ли он по-прежнему опасность для общества. Вместе с тем у тюремной администрации не просили подготовить заключение о его состоянии ввиду какого-либо из его прошений о помиловании. Введение процедуры периодической проверки законности и обоснованности назначенного заявителю наказания, предлагая теоретическую возможность освобождения из заключения, оказалось неэффективным в обстоятельствах дела заявителя, поскольку, пока он не получал лечения, эта процедура не могла привести к какому-либо иному выводу, кроме того, что он был всё еще слишком опасен, чтобы быть признанным соответствующим помилованию. По мнению заявителя, было ясно, что без лечения он вообще не мог иметь какую-нибудь надежду на освобождение из заключения.

2. Власти Нидерландов

96. Власти Нидерландов утверждали, что назначенное заявителю наказание в виде пожизненного лишения свободы было *de jure* и *de facto* снижаемо с момента его назначения, так как он имел возможность добиваться помилования, которое могло бы быть даровано, если бы было продемонстрировано, что исполнение или продолжение наказания не служило какой-либо разумной цели, преследуемой при применении уголовного закона. Более того, семь из девяти человек, которым было назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы на Нидерландских Антильских островах, с 1980 года добивались помилования, и в двух случаях, в том числе в деле заявителя, прошение о помиловании было удовлетворено. По мнению властей Нидерландов, это свидетельствует, что, даже если помилования даровались редко, тем не менее существовала подлинная *de facto* возможность того, что наказание в виде пожизненного лишения свободы могло быть снижено путем помилования. Кроме того, обязательная периодическая проверка законности и обоснованности наказания в виде лишения свободы пожизненно, положение о которой, как признали власти государства-ответчика, вступило в силу только после

того, как жалоба была подана в Европейский Суд, предусматривала условно-досрочное освобождение пожизненно осужденного заключенного, если бы Объединенный суд решил, что продолжение исполнения наказания в виде лишения свободы более не будет отвечать какой-либо разумной цели.

97. Власти Нидерландов также считали, что условия заключения заявителя никоим образом не обосновывали вывод о том, что он подвергался бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию в нарушение статьи 3 Конвенции. Что касается жалоб заявителя на отсутствие специального режима, отвечающего его психическому состоянию, и что назначенное ему наказание в виде пожизненного лишения свободы было *de facto* неснижаемым, поскольку ему не предоставляли адекватного лечения расстройства личности и не переводили в режимное учреждение в Нидерландах, власти государства-ответчика утверждали, что в 1980 году, когда заявителю было назначено наказание, не было возможности вынести распоряжение о лечении в закрытой клинике в условиях содержания под стражей на Нидерландских Антильских островах. Закрытые клиники отсутствовали на Кюрасао и Арубе, и перевод заявителя в подобное заведение в Нидерландах был признан невозможным в связи с его ограниченным интеллектом и недостаточной способностью выражать себя вербально.

Указание на психиатрическое лечение, таким образом, не содержалось конкретно в постановлении Объединенного суда. Следовательно, внутригосударственные власти нельзя винить за неисполнение меры, которая не была назначена. Из контактов заявителя с социальными работниками тюрем или из многочисленных писем, с которыми он обращался в различные инстанции, не усматривается, что отсутствие психиатрической помощи было его главной проблемой. В любом случае заявителю была предложена психиатрическая помощь по поводу расстройства личности во время его содержания в тюрьме на Кюрасао. В этой связи власти государства-ответчика сослались на письмо М. de O., согласно которому заявитель по прибытии в тюрьму на Кюрасао был взят под психиатрическое наблюдение и был установлен хороший контакт терапевтического характера с целью его социальной реабилитации (см. § 34 настоящего Постановления). Этот терапевтический контакт закончился, когда заявитель был переведен в тюрьму на Арубе. Вместе с тем он сам специально просил об этом переводе, хотя знал, что тюремный комплекс там не включает в себя отделение судебно-медицинского наблюдения и консультирования и что доступность психиатрической помощи будет ограничена. Власти Нидерландов не были проинформированы о каких-либо контактах между заявителем и психиатрами или психологами на Арубе до 2011 года, когда была проведена первая

периодическая проверка законности и обоснованности назначенного ему пожизненного лишения свободы. Психиатрическая помощь была доступна ему на Арубе после вынесения постановления Объединенного суда от 21 сентября 2012 г.

98. Хотя власти государства-ответчика признали, что длительный срок лишения свободы может иметь ряд десоциализирующих последствий для заключенных, они утверждали, что на практике заявитель имел возможность участвовать в соответствующей ежедневной программе в тюрьме на Арубе. Он был талантливым обойщиком и работал по восемь часов в день в обойном отделении тюрьмы. Он также периодически посещал занятия по изучению Библии.

С. МНЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Принципы, имеющие отношение к делу

(а) Наказания в виде пожизненного лишения свободы

99. В прецедентной практике Европейского Суда твердо установлено, что назначение взрослому преступнику наказания в виде пожизненного лишения свободы само по себе не запрещено или не является несовместимым со статьей 3 Конвенции или любой другой статьей Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Кафкарис против Кипра», § 97, и приведенную в нем ссылку) при условии, что оно не является явно несоразмерным (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Винтер и другие против Соединенного Королевства», § 102). Вместе с тем Европейский Суд приходил к выводу, что назначение взрослому преступнику неснижаемого наказания в виде пожизненного лишения свободы может вызвать вопрос в значении статьи 3 Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Кафкарис против Кипра», § 97). Наказание в виде пожизненного лишения свободы не станет неснижаемым ввиду того факта, что на практике оно может быть отбыто в полном объеме. Не возникает проблем в соответствии со статьей 3 Конвенции, если пожизненное лишение свободы является *de jure* и *de facto* снижаемым (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Кафкарис против Кипра», § 98, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Винтер и другие против Соединенного Королевства», § 108).

На основе детального рассмотрения соответствующих соображений, вытекающих из его прецедентной практики и недавних сравнительно-правовых и международно-правовых тенденций в отношении наказаний в виде пожизненного лишения свободы, Европейский Суд в деле «Винтер и другие

против Соединенного Королевства» решил, что наказание в виде пожизненного лишения свободы может оставаться совместимым со статьей 3 Конвенции, только если существуют перспектива освобождения из места лишения свободы и возможность проверки законности и обоснованности наказания, при том, что они должны иметь место с момента назначения наказания (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Винтер и другие против Соединенного Королевства», §§ 104–118 и 122). Европейский Суд далее отметил по вышеуказанному делу, что имеющиеся у него сравнительно-правовые и международно-правовые материалы демонстрируют четкую поддержку создания специального механизма, гарантирующего проверку законности и обоснованности наказания не позднее чем через 25 лет после того, как назначено пожизненное лишение свободы, с последующей периодической проверкой законности и обоснованности наказания в дальнейшем (см. § 120 настоящего Постановления, см. также Постановление Европейского Суда по делу «Бодейн против Франции» (*Bodein v. France*) от 13 ноября 2014 г., жалоба № 40014/10, § 61). Именно власти государства должны решать, а не Европейский Суд должен предписывать, какую форму должна иметь данная проверка (со стороны исполнительной или судебной власти) (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Кафкарис против Кипра», § 99, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Винтер и другие против Соединенного Королевства», §§ 104 и 120). Европейский Суд постановил, что помилование главой исполнительной власти, таким образом, может быть совместимо с требованиями, вытекающими из его прецедентной практики (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Кафкарис против Кипра», § 102).

100. Европейский Суд далее установил, что заключенный не может содержаться под стражей, если только не существуют законные пенологические основания для лишения свободы, которые включают в себя наказание, сдерживание, защиту населения и социальную реабилитацию. Хотя многие из этих оснований будут иметь место в то время, когда назначается наказание в виде пожизненного лишения свободы, баланс между этими основаниями лишения свободы необязательно статичен и может изменяться в ходе исполнения наказания. Только путем проведения изучения обоснования дальнейшего заключения в соответствующий момент отбывания наказания эти факторы или изменения могут быть оценены правильно (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Винтер и другие против Соединенного Королевства», § 111). В связи с этим проверка законности и обоснованности наказания, необходимая для того, чтобы наказа-

ние в виде пожизненного лишения свободы было бы снижаемым, должна разрешить властям рассмотреть вопрос о том, имеют ли в ходе отбывания наказания какие-либо изменения в положении пожизненно осужденного заключенного и прогресс в его социальном перевоспитании столь важное значение, что продолжающееся заключение более не является обоснованным какими-либо законными пенологическими основаниями (см. там же, § 119). Данная оценка должна быть основана на правилах, имеющих достаточную степень ясности и определенности (см. там же, §§ 125 и 129, а также Постановление Европейского Суда по делу «Ласло Мадьяр против Венгрии» (László Magyar v. Hungary) от 20 мая 2014 г., жалоба № 73593/10, § 57, и Постановление Европейского Суда по делу «Харакчиев и Толумов против Болгарии» (Harakchiev and Tolumov v. Bulgaria), жалобы №№ 15018/11 и 61199/12, §§ 255, 257 и 262, ECHR 2014 (извлечения), и условия, изложенные во внутригосударственном законодательстве, должны отражать условия, изложенные в прецедентной практике Европейского Суда (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Винтер и другие против Соединенного Королевства», § 128).

Таким образом, возможность добиться помилования или освобождения от отбывания наказания по гуманитарным соображениям по причинам, связанным с плохим состоянием здоровья, инвалидностью или преклонным возрастом, не соответствует понятию «перспектива освобождения от отбывания наказания», как это сформулировано в Постановлении Европейского Суда по делу «Кафкарис против Кипра» (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Винтер и другие против Соединенного Королевства», § 127, и Постановлении Европейского Суда по делу «Оджалан против Турции (№ 2)» (Öcalan v. Turkey) (№ 2) от 18 марта 2014 г., жалобы №№ 24069/03, 197/04, 6201/06 и 10464/07, § 203). Палата Европейского Суда постановила по одному недавно рассмотренному делу, что оценка должна быть основана на объективных и заранее установленных критериях (см. Постановление Европейского Суда по делу «Трабельси против Бельгии» (Trabelsi v. Belgium), жалоба № 140/10, § 137, ECHR 2014 (извлечения). Право заключенного на проверку законности и обоснованности назначенного ему наказания влечет за собой реальную оценку соответствующей информации (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ласло Мадьяр против Венгрии», § 57), и эта проверка должна также проводиться в совокупности с достаточными процессуальными гарантиями (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Кафкарис против Кипра», § 105, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по

делу «Харакчиев и Толумов против Болгарии», § 262). Заключенный в необходимом объеме должен знать, что ему следует сделать, чтобы его кандидатура была рассмотрена для освобождения из места лишения свободы, и при каких условиях может потребоваться изложение мотивов, и все эти условия должны быть гарантированы доступом к судебной проверке (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ласло Мадьяр против Венгрии», § 57, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Харакчиев и Толумов против Болгарии», §§ 258 и 262). Наконец, в оценке того, является ли наказание в виде пожизненного лишения свободы снижаемым *de facto*, может быть правильным учитывать статистическую информацию о предыдущем использовании механизма проверки законности и обоснованности наказания, в том числе о количестве лиц, которым было даровано помилование (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Кафкарис против Кипра», § 103, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Харакчиев и Толумов против Болгарии», §§ 252 и 262, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Бодейн против Франции», § 59).

(b) Социальная реабилитация и перспективы освобождения из места лишения свободы заключенных, осужденных к пожизненному лишению свободы

101. Как указано в предыдущем параграфе Постановления, проверка, требуемая для того, чтобы наказание в виде пожизненного лишения свободы было бы снижаемым, должна позволить властям оценивать любые изменения в состоянии пожизненно осужденного, и любой прогресс, достигнутый им на пути к социальной реабилитации. По делу «Винтер и другие против Соединенного Королевства» Большая Палата Европейского Суда, таким образом, исследовала проблему, как определить, может ли в конкретном случае наказание в виде пожизненного лишения свободы рассматриваться как снижаемое, особенно с учетом функции социальной реабилитации при лишении свободы. В этом контексте Большая Палата Европейского Суда указала, что было бы несовместимо с достоинством человека, которое составляет саму суть системы Конвенции, насильственно лишать человека его свободы, не стремясь к его социальной реабилитации и не предоставляя ему возможности когда-нибудь в будущем вернуть себе свободу (см. там же, § 113). Большая Палата Европейского Суда далее отметила, что в настоящее время имеет место четкая поддержка в европейском и международном праве того принципа, что всем заключенным, в том числе отбывающим пожизненное лишение свободы, предлагаются социальная реабилитация и пер-

спектива освобождения из места лишения свободы, если была достигнута социальная реабилитация (см. там же, § 114). Хотя наказание остается одной из целей лишения свободы, акцент в европейской карательной политике в настоящее время делается на реабилитационной цели лишения свободы даже в случае пожизненно осужденных лиц. Это отразилось в правилах 6, 102.1, 103.8 Европейских пенитенциарных правил, Резолюции № (76)2 и Рекомендациях № Rec(2003)23 и Rec(2003)22 Комитета министров Совета Европы, заявлениях Комитета по предупреждению пыток и в практике ряда Договаривающихся Государств. Аналогичную приверженность социальной реабилитации можно найти в международном праве, как выражено, в частности, в пункте 3 статьи 10 Международного пакта о гражданских и политических правах и в Замечании общего порядка по этой статье (см. там же, §§ 115–118).

102. Европейский Суд отмечает, что принцип социальной реабилитации, то есть реинтеграции осужденного в общество, находит отражение в международных нормах (см. §§ 70–76 настоящего Постановления) и не только признается, но и со временем приобретает всё большее значение в прецедентной практике Европейского Суда, касающейся различных норм Конвенции (см. кроме упоминавшегося выше Постановления Европейского Суда по делу «Винтер и другие против Соединенного Королевства», например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мастроматтео против Италии» (*Mastromatteo v. Italy*), жалоба № 37703/97, § 72, *ECHR* 2002-VIII, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Диксон против Соединенного Королевства» (*Dickson v. United Kingdom*), жалоба № 44362/04, § 28, *ECHR* 2007-V, Постановление Европейского Суда по делу «Джеймс, Уэллс и Ли против Соединенного Королевства» (*James, Wells and Lee v. United Kingdom*) от 18 сентября 2012 г., жалобы №№ 25119/09, 57715/09 и 57877/09, § 209, а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хорошенко против Российской Федерации» (*Khoroshenko v. Russia*), жалоба № 41418/04¹, §§ 121 и 144–145, *ECHR* 2015). В несколько ином контексте Европейский Суд, кроме того, приходил к выводу о том, что в условиях, когда в своих доводах в пользу дальнейшего содержания заключенных под стражей государство стремится полагаться исключительно на угрозу, исходящую от них для общества, следует принимать во внимание необходимость поощрения социальной реабилитации данных лиц (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Джеймс, Уэллс и Ли против Соединенного Королевства», § 218). Одной из целей социальной

реабилитации является предотвращение рецидива преступлений и тем самым обеспечение защиты общества.

103. Несмотря на тот факт, что Конвенция не гарантирует как таковое право на социальную реабилитацию, прецедентная практика Европейского Суда предполагает, что осужденным, в том числе заключенным, осужденным пожизненно, должна быть предоставлена возможность реабилитироваться в социальном смысле. Действительно, Европейский Суд отмечал, что «...пожизненно осужденный заключенный имеет право знать... что он должен делать, чтобы стать кандидатом на освобождение, и при каких условиях» (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Винтер и другие против Соединенного Королевства», § 122). Европейский Суд также решил со ссылкой на свое Постановление по делу «Винтер и другие против Соединенного Королевства», что внутригосударственные власти должны дать пожизненно осужденным заключенным реальную возможность социально реабилитироваться (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Харакчиев и Толумов против Болгарии», § 264). Из этого следует, что пожизненно осужденный заключенный должен иметь реальную возможность, насколько это допустимо в рамках ограничений места лишения свободы, добиться такого прогресса в отношении социальной реабилитации, чтобы ему была предоставлена надежда когда-нибудь получить право на досрочное освобождение или условно-досрочное освобождение от отбывания наказания к лишению свободы. Это может быть достигнуто, например, путем создания и периодического пересмотра индивидуальной программы, которая будет стимулировать осужденного заключенного к развитию в себе способности вести ответственную и свободную от преступлений жизнь.

104. Осужденным к пожизненному лишению свободы заключенным тем самым должна предоставляться возможность социальной реабилитации. Что касается масштабов любого обязательства, возложенного в этой связи на государства, то Европейский Суд считает, что, хотя государства не несут ответственности за достижение социальной реабилитации пожизненно осужденных заключенных (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Харакчиев и Толумов против Болгарии», § 264), они, тем не менее, обязаны предоставить возможность социальной реабилитации для таких заключенных. В противном случае пожизненно осужденный заключенный может быть фактически лишен возможности социальной реабилитации, в результате чего проверка, требуемая для того, чтобы наказание в виде пожизненного лишения свободы было снижаемо, в ходе которой должна быть дана оценка прогрессу состояния пожизненно осужденного заклю-

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 9 (примеч. редактора).

ченного в сторону социальной реабилитации, вообще не была бы способна привести к смягчению, отмене или прекращению исполнения наказания в виде пожизненного лишения свободы или к условно-досрочному освобождению заключенного от отбывания наказания к лишению свободы. В этой связи Европейский Суд вновь подтверждает принцип, прочно устоявшийся в его прецедентной практике, что Конвенция призвана гарантировать права, которые являются не теоретическими или иллюзорными, но практическими и эффективными (см. среди многих прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гёфген против Германии» (*Gäfgen v. Germany*), жалоба № 22978/05, § 123, *ECtHR* 2010). Обязательство предоставлять возможность социальной реабилитации следует рассматривать как обязательство средств, а не как обязательство по достижению результата. Однако оно влечет за собой позитивное обязательство по обеспечению режимов содержания в местах лишения свободы пожизненно осужденных заключенных, которые совместимы с исправительной целью социальной реабилитации, и давать таким заключенным возможность добиться прогресса в деле их реабилитации. В этом контексте Европейский Суд ранее указывал, что такое обязательство существует в ситуациях, в которых именно режим места заключения и условия заключения препятствуют социальной реабилитации (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Харакчиев и Толумов против Болгарии», § 266).

(с) Медицинская помощь, оказываемая заключенным с проблемами психического здоровья

105. Что касается лечения заключенных с проблемами психического здоровья, то Европейский Суд последовательно указывал, что статья 3 Конвенции требует от государств гарантировать, чтобы здоровье и благополучие заключенных были обеспечены в достаточной степени, в том числе, предоставлением им необходимой медицинской помощи (см. среди многих прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудла против Польши» (*Kudła v. Poland*), жалоба № 30210/96, § 94, *ECtHR* 2000-XI, Постановление Европейского Суда по делу «Славомир Мусиал против Польши» (*Ślawomir Musiał v. Poland*) от 20 января 2009 г., жалоба № 28300/06, § 87, а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «А. и другие против Соединенного Королевства» (*A. and Others v. United Kingdom*), жалоба № 3455/05, § 128, *ECtHR* 2009). Отсутствие надлежащего медицинского обслуживания лиц, содержащихся под стражей, поэтому способно породить ответ-

ственность государства по статье 3 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Науменко против Украины» (*Naumenko v. Ukraine*) от 10 февраля 2004 г., жалоба № 42023/98, § 112). Обязательства в соответствии со статьей 3 Конвенции могут быть настолько широкими, что государствам может быть предписано перевести заключенных (в том числе и душевнобольных) в специальные места для того, чтобы они получали адекватное лечение (см. Постановление Европейского Суда по делу «Раффрей Таддеи против Франции» (*Raffray Taddei v. France*) от 21 декабря 2010 г., жалоба № 36435/07, § 63).

106. В случае душевнобольных заключенных Европейский Суд указывал, что оценка того, являются ли конкретные условия заключения несовместимыми с требованиями статьи 3 Конвенции, должна приниматься во внимание степень уязвимости этих лиц, а в некоторых случаях их неспособность жаловаться связно или вообще жаловаться на то, как на них влияет любое конкретное обращение (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Херцегфальви против Австрии» (*Herczegfalvy v. Austria*) от 24 сентября 1992 г., § 82, Series A, № 244, и Постановление Европейского Суда по делу «Аэртс против Бельгии» (*Aerts v. Belgium*), от 30 июля 1998 г., § 66, *Reports of Judgments and Decisions* 1998-V). Кроме того, для таких заключенных мало провести обследование и поставить диагноз, вместо этого чрезвычайно важно, чтобы также предоставлялись правильное лечение выявленной проблемы и соответствующее медицинское наблюдение (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Раффрей Таддеи против Франции», § 59).

(d) Пожизненно осужденные заключенные с психическими отклонениями и (или) с проблемами психического здоровья

107. Пожизненно осужденные заключенные, в отношении которых была применена уголовная ответственность за преступления, в совершении которых они признаны виновными, и которые поэтому не считаются «душевнобольными» по смыслу подпункта «е» пункта 1 статьи 5 Конвенции, тем не менее могут иметь определенные проблемы с психическим здоровьем. Например, они могут иметь поведенческие или социальные проблемы или страдать различными формами расстройств личности, которые могут влиять на риск совершения ими новых преступлений. Европейский Суд ранее не рассматривал конкретно вопрос о снижаемости наказаний в виде пожизненного лишения свободы, назначаемых лицам, которым были поставлены диагнозы, касающиеся умственной неполноценности, (или) с проблемами с психическим здоровьем. С учетом прецедентов, изложенных

выше (см. §§ 99–106 настоящего Постановления), Европейский Суд считает в этой связи целесообразным следующий подход.

108. Чтобы государство считалось соблюдающим свои обязательства в соответствии со статьей 3 Конвенции в отношении пожизненно осужденных заключенных и лиц, принадлежащих к этой категории, Европейский Суд прежде всего считает необходимым, чтобы была проведена оценка потребностей этих заключенных в отношении воздействия на них с целью содействия их социальной реабилитации и снижению риска совершения ими новых преступлений. Данная оценка должна также рассматривать вероятные шансы на успех любых форм воздействия, учитывая, что статья 3 Конвенции не может повлечь за собой обязанность государства обеспечить пожизненно осужденному заключенному воздействие, которое реально не окажет значительного влияния в помощи пожизненно осужденного заключенного социально реабилитироваться самостоятельно. По этой причине необходимо принимать во внимание индивидуальные обстоятельства и личность осужденного пожизненно. Европейский Суд, кроме того, признает, что определенные состояния психического здоровья не являются поддающимися лечению. Учитывая, что в силу состояния своего психического здоровья такие пожизненно осужденные заключенные могут быть недостаточно осведомлены о необходимости лечения и, вышеупомянутая оценка должна проводиться независимо от того, была ли ими высказана просьба о лечении (см. § 106 настоящего Постановления). В тех случаях, когда в результате оценки делается вывод о том, что конкретное лечение или терапия могут действительно помочь пожизненно осужденному заключенному реабилитироваться, он должен иметь возможность получить это лечение, насколько это возможно в пределах ограничений места лишения свободы (см. соответствующие документы Совета Европы, изложенные в §§ 66–69 настоящего Постановления, а также § 103 настоящего Постановления). Это особенно важно, когда лечение фактически является предварительным условием предоставления пожизненно осужденному заключенному возможности рассчитывать в будущем на освобождение из места лишения свободы и, таким образом, оно является одним из важнейших аспектов *de facto* снижаемости наказания в виде лишения свободы пожизненно.

109. Предоставление пожизненно осужденным заключенным реальной возможности социального перевоспитания в зависимости от их индивидуальной ситуации может потребовать, чтобы им была предоставлена возможность пройти лечение или терапию медицинского, психологического или психиатрического характера, адаптированные к их ситуации с целью содействия их социальной реабилитации. Это предполагает, что им должно быть

разрешено принимать участие в трудотерапии или другой деятельности, которая может считаться способствующей социальной реабилитации.

110. В целом именно власти государства должны решать, а не Европейский Суд должен предписывать, какие требуются способы, меры или формы воздействия, чтобы предоставить пожизненно осужденному заключенному возможность социально реабилитироваться, чтобы он мог рассчитывать на освобождение от отбывания наказания. В выборе средств достижения этой цели государства соответственно имеют широкие пределы усмотрения, и данное обязательство по статье 3 Конвенции должно толковаться таким образом, чтобы не налагать чрезмерного бремени на внутригосударственные власти.

111. Следовательно, то или иное государство будет считаться соблюдающим свои обязательства по статье 3 Конвенции, когда оно устанавливает условия заключения, способы, мероприятия или формы воздействия, способные предоставить пожизненно осужденному заключенному возможность самому социально реабилитироваться, даже при том, что заключенному не удалось добиться достаточного прогресса, чтобы обосновать вывод о том, что угроза, которую он представляет для общества, была снижена до такой степени, что он получил право на освобождение из заключения. В этой связи Европейский Суд вновь заявляет, что государства также обязаны в соответствии с Конвенцией принимать меры для защиты населения от насильственных преступлений и что Конвенция не запрещает государствам подвергать лицо, осужденное за тяжкое преступление, неопределенному по сроку наказанию, позволяющему длящегося заключение преступника, если это необходимо для защиты населения (см. упомянувшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Винтер и другие против Соединенного Королевства», § 108, с дальнейшими отсылками). Государства могут выполнять это позитивное обязательство по защите населения, продолжая содержать под стражей пожизненно осужденных заключенных, пока они остаются опасными (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Майорано и другие против Италии» (*Maiorano and Others v. Italy*) от 15 декабря 2009 г., жалоба № 28634/06, §§ 115–122).

112. В заключение, пожизненно осужденные заключенные должны содержаться под стражей в надлежащих условиях, а также на них должно оказываться такое исправительное воздействие, чтобы они имели реальную возможность социально реабилитироваться с целью иметь надежду на освобождение от отбывания наказания. Непредоставление пожизненно осужденному заключенному данной возможности может сделать наказание в виде лишения свободы пожизненно *de facto* неснижаемым.

2. Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

113. Европейский Суд далее переходит к исследованию вопроса о том, было ли снижаемым назначенное заявителю наказание в виде пожизненного лишения свободы. Европейский Суд повторяет: для того, чтобы наказание в виде пожизненного лишения свободы было снижаемым и, следовательно, совместимым со статьей 3 Конвенции, должны иметься перспектива освобождения из места лишения свободы и возможность проверки законности и обоснованности наказания (см. упомянувшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Винтер и другие против Соединенного Королевства», §§ 109–110).

114. Как указано выше (см. § 92 настоящего Постановления), Палата Европейского Суда рассмотрела вопрос о том, является ли назначенное заявителю наказание в виде пожизненного лишения свободы совместимым со статьей 3 Конвенции отдельно от иных жалоб заявителя, вытекающих из этой нормы Конвенции и касающихся условий его заключения. Однако Большая Палата Европейского Суда на основе прецедентной практики Европейского Суда и соответствующих принципов, изложенных в §§ 107–112 настоящего Постановления, считает, что различные аспекты данных жалоб по статье 3 Конвенции в настоящем деле тесно взаимосвязаны. Действительно эти аспекты были уже сведены воедино заявителем в своем письме от 2 ноября 2012 г. (см. § 91 настоящего Постановления), и он основывал свои главные доводы, представленные в Большую Палату Европейского Суда, тем, что он не имеет никаких шансов на освобождение из места лишения свободы, поскольку ему не было предоставлено какого-либо лечения его психического расстройства, которое могло привести к сокращению риска совершения им новых преступлений, который, как считалось, он представлял. В данном случае Европейский Суд находит целесообразным оценить совместно различные аспекты пунктов жалобы по статье 3 Конвенции.

115. Соответственно, при рассмотрении вопроса, было ли снижаемо назначенное заявителю наказание в виде пожизненного лишения свободы, Европейский Суд изучит, лишило ли фактически предположительное отсутствие психиатрического лечения заявителя или психологического воздействия на него каких-либо перспектив на освобождение от отбывания наказания.

116. В своем анализе Европейский Суд сконцентрируется на положении заявителя с момента подачи им своей жалобы в 2010 году. Однако Европейский Суд не может упустить из виду тот факт, что на тот момент он уже провел в заключении около 30 лет. В данном контексте Европейский Суд отмечает, что отклонения различных прошений

заявителя о помиловании базировались, в частности, на основе оценки того, что риск рецидива преступлений, который, как считалось, он представлял, продолжал существовать. В более поздние годы его заключения это основание фактически стало единственной причиной для отказа в предоставлении ему освобождения из места лишения свободы. Несмотря на то, что риск рецидива преступлений и необходимость защиты общества являются важными пенеологическими основаниями, способными оправдать продолжающееся заключение пожизненно осужденного заключенного (см. § 100 настоящего Постановления), Европейский Суд обязан установить, были ли предложены заявителю в конкретных обстоятельствах настоящего дела возможности социально реабилитироваться в период заключения, предшествующий подаче им настоящей жалобы, а наличие таких возможностей, в частности, которые связаны с проблемами его психического здоровья, возможно, повлияло бы на его перспективы освобождения от отбывания наказания.

117. Европейский Суд отмечает в этой связи, что в контексте уголовного дела по обвинению в умышленном убийстве заявитель был обследован в 1979 году психиатром, который охарактеризовал его как отсталого, инфантильного и самовлюбленного молодого человека, структура характера которого имеет серьезное нарушение психопатического свойства, и рекомендовал, чтобы он стал объектом институционального воздействия в течение длительного периода или чтобы были предприняты попытки в месте заключения добиться формирования более сильной структуры личности с целью избежать рецидива преступлений (см. § 33 настоящего Постановления). Ввиду того, что в рассматриваемое время на Нидерландских Антильских островах нельзя было вынести распоряжение о направлении заявителя в закрытую клинику, поскольку действующим законодательством подобная мера не была предусмотрена, и, учитывая, что помещение в такую клинику в европейской части Королевства было невозможно, Объединенный суд 11 марта 1980 г. назначил заявителю наказание в виде пожизненного лишения свободы (см. §§ 15–16 настоящего Постановления). Однако Европейский Суд считает, что заключение заявителя в тюрьму, а не в закрытую клинику не могло исключать необходимость осуществлять рекомендованное лечение. Европейский Суд также не может признать, что, поскольку назначенное заявителю наказание не включало в себя меру, предусматривающую, что он подвергнется лечению, на властях государства-ответчика не лежало дальнейшего обязательства в этом отношении, что касается продолжительности срока лишения свободы заявителя. Европейский Суд подтверждает, что государства обязаны обеспечивать заключенных, имеющих

проблемы со здоровьем, включая проблемы психического здоровья, соответствующей медицинской помощью (см. § 105 настоящего Постановления), *inter alia*, с тем, чтобы позволить им, если это возможно, социально реабилитироваться независимо от заявления заключенного по этому поводу (см. §§ 106 и 108 настоящего Постановления).

118. Утверждение заявителя о том, что ему вообще не предоставлялось какого-либо лечения его психического состояния в течение периода заключения в тюрьме, находит некоторую поддержку в докладах ЕКПП о посещении этой организацией тюрем на Кюрасао и Арубе, где содержался заявитель, и согласно которым психиатрическая помощь в этих двух учреждениях была недостаточной (см. § 57 настоящего Постановления). Кроме того, данный довод находит свое подтверждение в материалах дела, *inter alia*, в сообщении по электронной почте от старшего социального работника в тюрьме на Арубе от 29 июля 2014 г. (см. § 46 настоящего Постановления) и в докладе от 1 сентября 2014 г., подготовленном психологом той же тюрьмы, оба из которых указывают на отсутствие упоминания в медицинской карте заявителя о прохождении им какого-либо психиатрического лечения или психологического воздействия (см. § 45 настоящего Постановления).

119. Действительно, власти государства-ответчика не оспаривали, что заявитель не получал лечения, но они подчеркивали, что ему предоставлялась некоторая психиатрическая помощь, когда он содержался в заключении на Кюрасао, от которой он предпочел отказаться, когда попросил и получил перевод на Арубу, где, как представляется, в течение первых лет его заключения существовали очень ограниченные возможности оказания такой помощи. Однако даже если допустить, что некоторая базовая психиатрическая помощь была доступна заявителю, все же следует задать вопрос о том, было ли это достаточно для выполнения государством-ответчиком обязательства по предоставлению заявителю возможности социально реабилитироваться.

120. В этом контексте Европейский Суд в первую очередь отмечает, что принцип социальной реабилитации заключенных, по крайней мере, с 1999 года и далее был явно признан во внутригосударственном законодательстве, в котором оговаривается, что наказание к лишению свободы должно также способствовать подготовке заключенных для их реинтеграции в общество (см. § 48 настоящего Постановления). Европейский Суд далее отмечает, что были приняты определенные меры и предложены некоторые возможности, которые, даже если их главной целью не являлась социальная реабилитация заявителя, можно считать способствующими достижению этой цели. Таким образом, заявитель был переведен с Кюрасао на Арубу в 1999 году. Заявитель просил о переводе

с целью быть ближе к членам своей семьи, и это считается полезным для его социальной реабилитации и психологически благоприятным для него (см. §§ 34–35 настоящего Постановления). Заявитель мог работать и извлек пользу из структурированной жизни в месте заключения (см. § 42 настоящего Постановления). Сообщалось, что он изменился за эти годы: хотя в первые годы заключения на Кюрасао он описывался как причиняющий беспокойство заключенный, он значительно улучшил свое поведение во время своего содержания на Арубе (см. §§ 19, 40 и 42 настоящего Постановления).

121. Тем не менее на протяжении всего срока заключения риск совершения заявителем новых преступлений был признан слишком высоким, чтобы он мог надеяться на помилование, или после периодической проверки законности и обоснованности назначенного ему наказания в виде пожизненного лишения свободы на условно-досрочное освобождение от отбывания наказания. В этой связи Европейский Суд отмечает, что один из судей Объединенного суда написал в 1997 году, когда с ним консультировались по поводу прошения о помиловании, поданного заявителем, что он считает безответственным предоставлять помилование заявителю, в отношении которого был установлен высокий риск совершения новых преступлений, и который не получал рекомендованного лечения в месте заключения (см. § 24 настоящего Постановления). Объединенный суд также отметил в своей рекомендации губернатору Кюрасао, относящейся к этому прошению о помиловании, что заявитель не проходил какого-либо (психиатрического) лечения, направленного на укрепление его личностной структуры в целях предотвращения рецидива преступлений (см. § 24 настоящего Постановления). Наконец, и что наиболее примечательно, Объединенный суд отметил в своем постановлении от 21 сентября 2012 г. по результатам периодической проверки законности и обоснованности назначенного заявителю наказания, что важные аспекты психического расстройства личности заявителя, на основании которых первоначально был сделан вывод о высоком риске рецидива преступлений, по-прежнему присутствуют, и что в период заключения заявителю не оказывалось какого-либо лечения. Хотя Объединенный суд установил, что после 33 лет лишения свободы заявителя более не отвечало цели воздаяния, он пришел к выводу, что продолжение его заключения было необходимо с целью защитить общество, поскольку риск совершения им новых преступлений оставался слишком большим, чтобы разрешить его освобождение из места лишения свободы (см. пункты 8.4, 8.6, 8.7 и 8.12 постановления Объединенного суда, изложенные в § 32 настоящего Постановления).

122. Из постановлений Объединенного суда, упомянутых в предыдущем параграфе, четко следует, что в настоящем деле существовала тесная связь между сохранением риска совершения заявителем новых преступлений, с одной стороны, и отсутствием лечения, с другой. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что власти были уведомлены, что заявителю было рекомендовано лечение в целях предотвращения совершения им новых преступлений и что они знали, что заявитель не получил какого-либо лечения.

123. Соответственно, заявитель оказался в ситуации, в которой он не отвечал требованиям для условно-досрочного освобождения или освобождения из места лишения свободы из-за угрозы совершения им новых преступлений, в то время как сохранение данной угрозы было связано с отсутствием оценки какой-либо потребности в воздействии и возможностей, и ему не были предоставлены какие-либо определенные формы лечения с целью социальной реабилитации. Следовательно, на практике прохождение лечения составляло предварительное условие для заявителя, чтобы он мог двигаться по направлению к социальной реабилитации, снижающей риск совершения им новых преступлений. Соответственно, возникал вопрос *de facto* о снижаемости назначенного ему наказания в виде пожизненного лишения свободы.

124. Как уже отмечалось выше (см. § 110 настоящего Постановления), государства обладают широкими пределами усмотрения в определении того, какие средства или меры необходимы для того, чтобы предоставить пожизненно осужденному заключенному возможность самому социально реабилитироваться до такой степени, что однажды может начать отвечать требованиям для освобождения от отбывания наказания. Таким образом, Европейский Суд не может устанавливать, какое лечение требуется при конкретных обстоятельствах. Однако хотя заявитель в настоящем деле действительно до того, как был приговорен к пожизненному лишению свободы, был признан человеком, требующим лечения, не усматривается, что в дальнейшем выполнялись какие-либо оценки, или, когда он начал отбывать наказание или после этого, лечения, которое может потребоваться и может быть доступно, или способности и желания заявителя стать объектом такого лечения. По мнению Европейского Суда, следует придавать очень мало значения тому факту (если вообще придавать это значение), что сам заявитель явно не был обеспокоен тем, чтобы стать объектом лечения, и предпочел быть переведенным из Кюрасао на Арубу, где доступность психиатрической помощи была (еще более) ограничена. Необходимо иметь в виду, что лица с проблемами психического здоровья могут иметь трудности в оценке своей ситуации и своих потребностей и могут быть не в состоянии сообщить связно или вообще не

в состоянии сообщить, что им требуется лечение (см. § 106 настоящего Постановления).

125. Принимая во внимание вышеизложенное, Европейский Суд находит, что отсутствие какого-либо лечения или какой-либо оценки потребностей и возможностей лечения означает, что в то время, когда заявитель обратился со своей жалобой в Европейский Суд, любое его прошение о помиловании на практике не привело бы к выводу о том, что он добился такого значительного прогресса в социальной реабилитации, что его продолжающееся заключение не будет более служить какой-либо пенологической цели. Данный вывод также относится и к первой, и в самом деле единственной периодической проверке законности и обоснованности назначенного заявителю наказания в виде пожизненного лишения свободы, которая была проведена. Это приводит Европейский Суд к выводу, что назначенное заявителю наказание в виде пожизненного лишения свободы не было *de facto* снижаемо, как того требует статья 3 Конвенции.

126. При таких обстоятельствах Европейский Суд не считает необходимым проводить какой-либо дополнительный или более подробный анализ либо системы помилования или механизма периодической проверки законности и обоснованности назначенного заявителю наказания с целью оценки того, является ли наказание в виде лишения свободы пожизненно *de jure* снижаемым, или режима содержания заявителя в заключении.

127. Соответственно, по делу было допущено нарушение статьи 3 Конвенции.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

128. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. МОРАЛЬНЫЙ ВРЕД

129. Заявитель требовал выплатить ему 50 000 евро в качестве компенсации морального вреда, который был ему причинен в результате жестокого обращения, отсутствия (психиатрического) лечения и длительного периода неприятных, негуманных и унижающих условий заключения.

130. Власти Нидерландов считали это требование необоснованным.

131. С учетом обстоятельств настоящего дела Европейский Суд считает, что его вывод о нарушении статьи 3 Конвенции представляет собой достаточную справедливую компенсацию, и соответ-

ственно не присуждает компенсации какого-либо морального вреда, который мог быть причинен заявителю.

В. СУДЕБНЫЕ РАСХОДЫ И ИЗДЕРЖКИ

132. Заявитель требовал выплатить ему 40 200 евро за 134 часа работы его адвоката в связи с проведенной на Кюрасао периодической проверкой законности и обоснованности назначенного заявителю наказания и разбирательством дела в Страсбургском суде, 464 евро 33 центов в покрытие расходов на авиабилеты и других транспортных расходов, понесенных его адвокатом в поездках между Кюрасао и Арубой, и 188 евро 10 центов в качестве компенсации расходов, понесенных в связи с участием в судебном заседании в г. Страсбурге адвоката и ее консультанта. Таким образом, общая сумма требований по данному основанию составила 40 852 евро 43 цента.

133. Власти Нидерландов считали, что почасовая ставка в 300 евро и количество предъявленных к оплате рабочих часов чрезмерны.

134. Согласно прецедентной практике Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение судебных издержек и расходов лишь в той части, в которой было доказано, что они были фактически понесены, были необходимы по размеру и не превышали разумных пределов. Кроме того, они могут быть взысканы только в той степени, в какой они связаны с установленным нарушением (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «M.S.S. против Бельгии и Греции» (M.S.S. v. Belgium and Greece), жалоба № 30696/09, § 418, ECHR 2011, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Креангэ против Румынии» (Creangă v. Romania) от 23 февраля 2012 г., жалоба № 29226/03, § 130). В этой связи Европейский Суд напоминает, что требования заявителя удовлетворены только частично. В настоящем деле с учетом имеющихся в его распоряжении документов и вышеуказанных критериев Европейский Суд считает справедливым присудить заявителю 27 500 евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек, понесенных в ходе разбирательства дела в Европейском Суде.

С. ПРОЦЕНТНАЯ СТАВКА ПРИ ПРОСРОЧКЕ ПЛАТЕЖЕЙ

135. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Суд:

1) *отклонил* единогласно предварительные возражения властей государства-ответчика отно-

сительно процессуальной правоспособности сына заявителя Джонни Фрэнсиса ван Хейнингена и сестры заявителя Альтаграсии Мюррей продолжать производство по жалобе и статуса заявителя как жертвы нарушения Конвенции для целей статьи 34 Конвенции;

2) *постановил* единогласно, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции;

3) *постановил* 12 голосами «за» при пяти – «против», что вывод о нарушении Конвенции представляет сам по себе достаточную справедливую компенсацию любого морального вреда, который мог быть причинен заявителю;

4) *постановил* единогласно, что:

(а) государство-ответчик в течение трех месяцев обязано выплатить вышеупомянутым ван Хейнингену и Мюррей совместно 27 500 евро (двадцать семь тысяч пятьсот евро) в качестве компенсации судебных расходов и издержек плюс сумму любого налога, подлежащую уплате ими с упомянутой суммы;

(б) с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эту сумму должны начисляться простые проценты, размер которых определяется предельной кредитной ставкой Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

5) *отклонил* единогласно оставшуюся часть требований заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском и французском языках, вынесено на открытом слушании во Дворце прав человека в г. Страсбурге 26 апреля 2016 г.

Йохан КАЛЛЕВАРТ

Заместитель Секретаря

Большой

Палаты Суда

Гвидо РАЙМОНДИ

Председатель

Большой

Палаты Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоящему Постановлению прилагаются следующие отдельные мнения судей:

(а) совпадающее мнение судьи Йоханнеса Силвиса;

(б) частично совпадающее мнение судьи Паулу Пинту де Альбукерке;

(с) совместное частично особое мнение судей Дина Шпильманна, Андраша Шайо, Ишиль Каракаш и Паулу Пинту де Альбукерке.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЙОХАННЕСА СИЛВИСА

Я согласен с этим Постановлением, которое знаменует важное изменение в определении Европейским Судом снижаемости наказания в виде пожизненного лишения свободы. Нововведение касается *de facto* аспекта снижаемости. В Постановлении Палаты Европейского Суда

было применено теперь пересмотренное стандартное толкование Европейским Судом *de facto* снижаемости и именно на этой основе в совокупности с отказом Палаты Европейского Суда щедро придать обратную силу прецеденту по делу «Винтер и другие против Соединенного Королевства» о снижаемости наказаний в виде пожизненного лишения свободы, никаких нарушений Конвенции установлено не было. Может ли наказание в виде пожизненного лишения свободы быть *de jure* и *de facto* снижаемо, зависело от особенностей процесса принятия решений и примеров, показывающих, что лицо, отбывающее наказание в виде пожизненного лишения свободы, сможет добиться корректировки данного наказания с учетом обстоятельств этого лица (см. Постановление Европейского Суда по делу «Харакчиев и Толумов против Болгарии», жалобы №№ 15018/11 и 61199/12, § 262, ECHR 2014 (извлечения)). В настоящем Постановлении Европейский Суд сделал акцент на обязательстве государства не оставлять человека, приговоренного к пожизненному лишению свободы, страдающего расстройством личности, без серьезной реабилитационной поддержки, чтобы иметь возможность считаться подходящим (*de facto*) для возможного освобождения от отбывания наказания. Таким образом, *de facto* снижаемость воспринимается больше, чем просто общая характеристика системы освобождения лиц, приговоренных к пожизненному лишению свободы. Изначально я присоединился к единогласному выводу Палаты Европейского Суда о том, что по делу не было допущено нарушения статьи 3 Конвенции относительно вопроса о снижаемости наказания в виде пожизненного лишения свободы, но я должен признать, что представительница заявителя убедительно доказала Большой Палате Европейского Суда, что возможность освобождения из места лишения свободы не имеет существенного значения при обстоятельствах настоящего дела, когда заявитель не мог квалифицированно обосновать его собственными усилиями.

ЧАСТИЧНО СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ПАУЛУ ПИНТУ ДЕ АЛЬБУКЕРКЕ

1. За исключением неудачного решения по статье 41 Конвенции, я всецело разделяю Постановление Большой Палаты Европейского Суда, которое должно приветствоваться как важный шаг вперед в защите прав заключенных. Но именно ввиду важности дела для уточнения позитивных обязательств государства в области пенитенциарного права я считаю необходимым добавить некоторые мысли по поводу двух основных вопросов, проанализированных Большой Палатой Европейского Суда: обязанность содействовать ресоциализации заключенных посредством индивидуальных планов исполнения наказания и обязательство уста-

новить судебный, справедливый и объективный механизм проверки пенологических потребностей продолжения заключения¹. При том, что эти два вопроса тесно взаимосвязаны, Большая Палата Европейского Суда вполне справедливо рассматривает оба их в части Постановления, посвященной «имеющим отношение к делу принципам». Цели настоящего мнения – подчеркнуть явные последствия и указать на неявные последствия вывода Большой Палаты Европейского Суда о нарушении статьи 3 Конвенции.

ОБЯЗАННОСТЬ ГОСУДАРСТВА ОБЕСПЕЧИТЬ ИНДИВИДУАЛИЗИРОВАННЫЙ ПЛАН ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ

2. Совершенно в соответствии с мотивировкой Постановления Европейского Суда по делу «Винтер и другие против Соединенного Королевства»² Большая Палата Европейского Суда находит в настоящем деле, что на Договаривающихся Госу-

¹ Для целей терминологической ясности необходимо сказать, что ресоциализация – корректное слово в уголовном и пенитенциарном праве для обозначения изначальной цели лишения свободы; оно указывает на социальную реинтеграцию заключенного, который способен вести свободную от преступлений жизнь после освобождения из места заключения. Понятие «социальная реабилитация» имеет нравоучительный и патерналистский оттенок, вытекающий из неправильного предположения о том, что государство несет ответственность за «моральное реформирование» заключенного и его «обращение» к социальным ценностям большинства. Как я утверждал в своем отдельном мнении, приложенном к Постановлению Европейского Суда по делу «Оджалан против Турции (№ 2)» (Öcalan v. Turkey) (№ 2) от 18 марта 2014 г., жалобы №№ 24069/03, 197/04, 6201/06 и 10464/07, это предположение является устаревшим, поскольку ресоциализация уже не понимается по классической медицинской аналогии как «лечение» заключенного, направленное на реформирование характера заключенного, но как менее амбициозная, но более реалистичная задача: его подготовки к законопослушной жизни после заключения. Для этого есть три причины: во-первых, проблематично предположить, что государства имеют конституционное право на «реформу» характера взрослого человека, во-вторых, сомнительно, что такая реформа является возможной, в-третьих, еще более неопределенно, что подобная реформа достижима. Иными словами, идеология перевоспитания сталкивается с проблемами конституционной легитимности, практической осуществимости и доказывания. Европейский Суд упоминал термин «ресоциализация» в § 70 настоящего Постановления и иногда в ранее рассмотренных делах (см., например, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Штуммер против Австрии» (Stummer v. Austria), жалоба № 37452/02, §§ 93–94, ECHR 2011), но он, к сожалению, не придерживается единообразия в своей юридической лексике. Слово «ресоциализация» также используется в правиле 223 Правил процесса и доказывания Международного уголовного суда.

² Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Винтер и другие против Соединенного Королевства», жалобы №№ 66060/09, 130/190 и 3896/10, ECHR 2013 (извлечения).

дарствах Конвенции лежит позитивное обязательство содействовать ресоциализации заключенных (§ 109 Постановления), а именно путем составления и реализации индивидуального плана исполнения наказания (§ 103 Постановления). Это первый раз, когда Европейский Суд признал крайне важное значение индивидуального плана исполнения наказания с целью ресоциализации заключенных, каковая важность подкрепляется изложением принципа Большой Палатой Европейского Суда. Обязательство государства поощрять ресоциализацию является обязательством по статье 3 Конвенции, которое налагает на государство обязанность действовать или, говоря словами Большой Палаты Европейского Суда, государства «обязаны предоставить возможность социальной реабилитации для таких заключенных» (§ 104 Постановления)¹. Таким образом, Большая Палата Европейского Суда воспринимает правовые обязательства государства содействовать ресоциализации заключенных, обеспечивать и реализовывать выполнение индивидуального плана исполнения наказания как две стороны одной медали.

3. Обязательство поощрять ресоциализацию – это явно обязательство средств: государство обязано лишь обеспечить заключенному средства для приложения им усилий, чтобы реинтегрироваться в общество. Это смысл самоочевидного последнего предложения § 104 настоящего Постановления. Однако в статье 3 Конвенции обязательство обеспечить «условия заключения, способы, мероприятия или формы воздействия», иными словами, надлежащий индивидуальный план исполнения наказания и осуществление соответствующих условий, является обязательством результата, как это очевидно из формулировки § 111. Высказывание Большой Палаты Европейского Суда в этом пункте вполне утвердительно: государство будет считаться соблюдающим свои обязательства в соответствии со статьей 3 Конвенции, «когда оно устанавливает» условия заключения и способы, мероприятия или формы воздействия, способные предоставить пожизненно осужденному заключенному возможность реинтегрироваться в общество, и это обязательство независимо от желания заключенного воспользоваться существующими возможностями, мероприятиями или формами. Именно в этом контексте должна быть истолкована ссылка на «индивидуальную программу» в § 103 настоящего Постановления в качестве «примера» ориентированной на ресоциализацию пенитенциарной поли-

тики. Иными словами, значение иллюстративного языка § 103 настоящего Постановления понятно только в контексте весьма утвердительного языка § 111 Постановления. Индивидуальный план исполнения наказания является центральным столпом ориентированной на ресоциализацию пенитенциарной политики, но он должен быть сформулирован с учетом набора прочих условий заключения, материальных возможностей, практических мер и форм психиатрического, психологического и другого медицинского воздействия.

4. С точки зрения Большой Палаты Европейского Суда, объем обязательства государства по содействию ресоциализации, обеспечению и реализации индивидуального плана исполнения наказания является самым широким. Хотя Мюррею был поставлен диагноз «патологическое расстройство личности», в частности, отмечалось очень ограниченное развитие его умственных способностей, он никогда не был признан психически невменяемым. Ни несколько психиатров, с которыми консультировались, ни суды не ставили под сомнение то, что он подлежит уголовной ответственности. Однако Европейский Суд не ограничивает сферу своего анализа обсуждением обязательства государства по предоставлению программ ресоциализации психически вменяемым правонарушителям. Наоборот, широкие формулировки, используемые в § 109 настоящего Постановления, в котором говорится о «лечении или терапии, медицинского, психологического или психиатрического характера», явно указывают на готовность Большой Палаты Европейского Суда возложить на государство такое же обязательство по отношению к психически невменяемым преступникам. Ввиду пограничного характера психического состояния Мюррея Большая Палата Европейского Суда намеренно расширяет свой анализ ситуации всеми «заключенными с проблемами психического здоровья» (подраздел «Принципы, имеющие отношение к делу» раздела «Мнение Европейского Суда») вне зависимости от тяжести психических заболеваний или расстройств заключенного, степени неспособности заключенного принимать самостоятельные решения и определения соответствующего правового статуса преступника как психически вменяемого или невменяемого в уголовном деле. Подобный неограниченный подход, очевидно, понятен в свете как Рекомендация № R(98)7 Комитета министров Совета Европы государствам – членам Совета Европы относительно этических и организационных аспектов обеспечения медицинской помощью в местах заключения и Европейских пенитенциарных правил 2006 года, которые Европейский Суд обширно цитирует в §§ 66 и 73–76 настоящего Постановления.

5. Соответственно, с точки зрения права, существует международное позитивное обязательство государств – участников Конвенции обеспе-

¹ Уместно подчеркнуть настойчивость, с которой Европейский Суд использует слово «обязательство» в разделе настоящего Постановления «Принципы, имеющие отношение к делу» (семь раз в § 104, по одному – в §§ 105, 108, 110 и два – в § 111). Данный язык с его четким правовым значением доказывает без тени сомнения решимость Большой Палаты Европейского Суда навязать обязательные принципы государствам.

чить и реализовать индивидуальный план исполнения наказания со всеобъемлющей и обновленной оценкой рисков и потребностей, по крайней мере, для всех психически здоровых правонарушителей, приговоренных к пожизненному или длительному лишению свободы, то есть наказанию к лишению свободы сроком пять лет или более¹. Психически невменяемые правонарушители, подвергнутые аналогичному по срокам наказанию или дольше, должны, *a fortiori*², пользоваться тем же планом. Несмотря на очевидный акцент на ситуации пожизненно осужденных заключенных, Большая Палата Европейского Суда сигнализирует о том, что ее принципиальный подход к обязательству поощрять ресоциализацию относится ко «всем заключенным, в том числе лицам, отбывающим наказание в виде пожизненного лишения свободы»³. При обращении конкретно к индивидуальной программе Большая Палата Европейского Суда также упоминает в общих чертах «осужденного заключенного», но не пожизненно осужденного заключенного в качестве бенефициара такой программы.

6. Действительно, как Совет Европы, так и ООН в течение многих лет и неоднократно защищали настоятельную необходимость индивидуального плана исполнения наказания, составленного на основе постоянно обновляемой оценки риска, психических и социальных потребностей соответ-

ствующих заключенных, независимо от того, является ли состояние их психического здоровья нормальным или ненормальным⁴.

В своей Резолюции № (73)5 о Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными Комитет министров Совета Европы указал следующее:

«...7. Когда заключенные распределяются по различным учреждениям, необходимо учитывать состояние их психического здоровья (нормальное или ненормальное), а в случае осужденных заключенных – специальные требования их лечения...

67.4. Программы индивидуального лечения составляются после проведения консультаций между различными категориями персонала. Заключенные должны участвовать в составлении программ их лечения. Эти программы должны периодически проверяться» (подчеркнуто мною).

Резолюция № (76)2 об обращении с заключенными, осужденными на длительные сроки лишения свободы, предусматривала, что внутригосударственные власти должны «предоставлять отпуска из места заключения не как освобождение от заключения, а как интегральную часть программы исправительного воздействия».

В Рекомендации № R(87)3 Комитета министров Совета Европы государствам – членам Совета Европы о Европейских пенитенциарных правилах указывалось следующее:

«...11.1. При распределении заключенных по различным пенитенциарным учреждениям или выборе режима содержания принимаются во внимание... особые требования исправительного воздействия, состояние здоровья, пол и возраст...

67.1. Поскольку выполнение этих задач требует индивидуализации лечения и с этой целью гибкой системы распределения, заключенные должны содержаться в отдельных учреждениях или подразделениях, где каждый может получить соответствующее лечение и обучение...

68. Как можно скорее после поступления в учреждение и после изучения личности каждого заключенного с наказанием на соответствующий срок должна быть подготовлена программа лечения в подходящем месте с учетом полученных знаний об индивидуальных потребностях, способностях и склонностях, особенно о близости к родственникам...» (подчеркнуто мною).

¹ Как я утверждал в своем отдельном мнении по делу «Тауткус против Литвы» (Tautkus v. Lithuania) (жалоба № 29474/09, Постановление Европейского Суда от 27 ноября 2012 г.) и позже в компании с судьей Туркович по делу «Хорошенко против Российской Федерации» (Khoroshenko v. Russia) (Постановление Большой Палаты Европейского Суда, жалоба № 41418/04, ECHR 2015), право на индивидуальный план исполнения наказания применяется в отношении психически вменяемых правонарушителей, особенно к тем, кто приговорен к пожизненному или длительному лишению свободы, то есть к наказанию к лишению свободы сроком пять лет и более. В комментарии к правилу 103 Европейских пенитенциарных правил 2006 года говорится: «[В правиле] подчеркивается необходимость принятия незамедлительных мер для того, чтобы привлечь осужденных к планированию их пребывания в пенитенциарном учреждении так, чтобы наиболее эффективно использовать имеющиеся программы и инфраструктуру. Планирование отбывания срока в пенитенциарном учреждении имеет большое значение, однако ясно, что для осужденных на очень короткий срок необходимости в разработке такого плана нет». Срок пять лет вытекает из определения Советом Европы долгосрочного лишения свободы. Французская версия комментария допускает планирование исполнения наказания даже в случае краткосрочного лишения свободы, что противоречит английской версии. В Постановлении Европейского Суда по делу «Мюррей против Нидерландов» объем «принципов, имеющих отношение к делу», что касается планирования исполнения наказания, не ограничивается длительными сроками и включает в себя более короткие сроки лишения свободы.

² *A fortiori* (лат.) – с большим основанием, с большей убедительной силой; тем более (примеч. редактора).

³ См. § 101 настоящего Постановления, за которым следуют §§ 102 («осужденное лицо») и 103 («осужденные, в том числе пожизненно осужденные заключенные»).

⁴ Следуя своей доброй практике, Большая Палата Европейского Суда предлагает в настоящем Постановлении толкование Конвенции в согласии с соответствующим мягким правом Совета Европы. Конвенция должна толковаться с учетом не только других договоров о правах человека, а также твердых и мягких правовых актов, связанных с ними, и особенно с системой защиты прав человека Совета Европы, в рамках которой она существует, так как предусматривает подпункт «с» пункта 3 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров (недавний похвальный пример см. в Постановлении Европейского Суда по делу «Хараччиев и Толумов против Болгарии», жалобы № 15018/11 и 61199/12, § 204, ECHR 2014 (извлечения)). Тем не менее некоторые очень важные отрывки из соответствующих международных документов, на которые я буду ссылаться, были опущены.

В Рекомендации № Rec(2003)23 Комитета министров Совета Европы государствам – членам Совета Европы «Об осуществлении исполнения наказания в виде пожизненного заключения и других длительных сроков заключения администрациями мест лишения свободы» указывалось, *inter alia*, следующее:

«3. Следует уделять внимание разнообразию личных характеристик заключенных, осужденных пожизненно или на разные длительные сроки, принимать их в расчет при составлении индивидуальных планов для отбывания сроков (персональный принцип)...

8. Индивидуальное планирование осуществления исполнения наказания заключенных с пожизненным или длительным сроком осуждения должно ставить своей целью защиту положительного развития через пенитенциарную систему (прогрессивный принцип).

9. Для того, чтобы достичь основных целей и осуществить в соответствии с вышеупомянутыми принципами в полном объеме, планы наказания должны разрабатываться для каждого конкретного заключенного...

10. Планы исполнения наказания должны учитывать риск и необходимость (потребности), определенные для каждого заключенного, и предусматривать систематический подход к:

- начальному помещению заключенного;
- положительному развитию посредством пенитенциарной системы для уменьшения ограничительных условий, в идеале, окончание срока заключения, проходящее незамкнуто, было бы предпочтительно в обществе...

11. Планирование наказания должно начинаться по возможности как можно раньше до выхода из заключения, регулярно проверяться и при необходимости быть изменено...» (подчеркнуто мною).

Рекомендация № Rec(2006)2 Комитета министров Совета Европы государствам – членам Совета Европы о Европейских пенитенциарных правилах подтверждает и подкрепляет то, о чем уже говорилось в Пенитенциарных правилах 1987 года:

«103.2. Как только это станет возможным после такого поступления, на осужденных заключенных заводятся личные дела, на каждого из них составляются проект плана отбывания наказания и стратегия подготовки к освобождению...

104.2. Должны быть разработаны процедуры составления и регулярного пересмотра индивидуальных планов отбывания наказания заключенными после рассмотрения соответствующих рапортов, всесторонних консультаций между соответствующим персоналом и с соответствующими заключенными, которые должны вовлекаться в этот процесс, насколько это осуществимо...» (подчеркнуто мною).

Стандарты ЕКПП (документ ЕКПП СРТ/Inf/E(2002)1, Rev. 2011), касающиеся лишения свободы на длительные сроки заключенных, осужденных к длительным срокам лишения свободы, описывают спектр психологических проблем,

с которыми они сталкиваются. По мнению ЕКПП, режимы, которые предлагаются заключенным, отбывающим длительные сроки наказания, должны стремиться компенсировать эти эффекты позитивным и упреждающим образом:

«...33. Должны быть предприняты дополнительные меры, чтобы придать смысл их сроку лишения свободы, в частности, обеспечение индивидуальными планами отбывания наказания и соответствующей психолого-социальной поддержки являются важными элементами в оказании таким заключенным помощи в примирении ими с их сроком лишения свободы и, когда придет время, в подготовке к освобождению из места лишения свободы...

37. Психиатрическое воздействие должно быть основано на индивидуальном подходе, который предполагает составление плана исправительного воздействия для каждого пациента...» (подчеркнуто мною).

Европейские пенитенциарные стандарты соответствуют универсальному режиму, давно утвержденному Организацией Объединенных Наций, и на нем основаны. Минимальные стандартные правила ООН обращения с заключенными 1955 года предусматривают, *inter alia*, следующее:

«8. Различные категории заключенных содержатся в отдельных заведениях или в разных частях одного и того же заведения с учетом их пола, возраста, предшествующей судимости, юридических причин их заключения и предписанного обращения с ними...

63. 1) Проведение в жизнь этих принципов требует индивидуального подхода к заключенным, а следовательно, и наличия гибкой системы классификации их по группам; желательно поэтому, чтобы такие группы помещались в отдельных заведениях, подходящих для работы с каждой из них...

69. В кратчайший срок после приема каждого заключенного на основе изучения его характера следует разрабатывать программу работы с ним, исходя при этом из его индивидуальных потребностей, способностей и склонностей...» (подчеркнуто мною).

7. Большая Палата Европейского Суда считает, что на позитивное обязательство государства содействовать ресоциализации заключенных, обеспечивать и реализовывать индивидуальные программы исполнения наказания не повлиял дефицит материальных условий и необходимых ресурсов, сложившийся на Нидерландских Антильских островах, как указано в § 117 настоящего Постановления. Отсутствие ресурсов не могло и не должно устранять необходимость рекомендованного исправительного воздействия. В Постановлении по делу «Джеймс, Уэллс и Ли против Соединенного Королевства» Европейский Суд уже подтвердил, что «по делам, касающимся наказаний к лишению свободы на неопределенный срок, реальная возможность социальной реабилитации является необходимым элементом любой части заключе-

ния», настаивая на том, что «недостаточные ресурсы, о которых идет речь в настоящем деле, явились следствием введения драконовских мер лишения свободы на неопределенный срок без необходимого планирования и без реального учета последствий принятых мер»¹. Государства-члены должны предусмотреть необходимые финансовые средства, чтобы проводить свою уголовную политику в соответствии с европейскими стандартами в области прав человека. Следовательно, чем более карательной является уголовная политика, тем больше надо вкладывать средств в пенитенциарную систему, чтобы противодействовать устоявшимся негативным последствиям такой политики, сказывающимся на тех женщинах и мужчинах, которые являются ее объектами². Этого не произошло с наказаниями к лишению свободы на неопределенный срок в Соединенном Королевстве, как заключил Европейский Суд в Постановлении по делу «Джеймс, Уэллс и Ли против Соединенного Королевства». Подобная критика была озвучена в Постановлении Европейского Суда по делу «Мюррей против Нидерландов» в отношении драконовской пенитенциарной политики Нидерландских Антильских островов.

8. Критика Большой Палаты Европейского Суда находит явную поддержку в первом докладе Европейского комитета по предупреждению пыток (ЕКПП) о положении в тюрьме «Корал спехт», в которой заявитель отбыл 13 лет от срока назначенного ему наказания, с 1980 по 1999 год. Доклад ЕКПП касается посещения в 1994 году, когда в тюрьме общей вместимостью 198 человек на момент визита содержались почти 500 заключен-

ных. ЕКПП отметил, не смягчая формулировки своего суждения:

«...должно быть указано в самом начале, что учреждение проявило пагубное сочетание переполненности, режима, который предлагал очень мало занятий и отличался низким уровнем чистоты и гигиены. Эти три проблемы усугублялись в целом обветшалым состоянием учреждения. **Подвергать заключенных таким условиям заключения приравнивается, по мнению ЕКПП, к бесчеловечному и унижающему достоинство обращению...**» (выделено в оригинале документа).

Еще яснее ЕКПП высказался о конкретном положении пожизненно осужденных заключенных:

«Учитывая, *inter alia*, длительность и неопределенный характер сроков их наказаний, условия содержания в блоке для пожизненно осужденных заключенных, в особенности тех, кто не работал, **могут считаться бесчеловечными**, они содержат заметный риск ухудшения психического состояния этих заключенных и последствия психосоматического характера»³ (выделено в оригинале документа).

Три года спустя положение не изменилось. Во время своего посещения в 1997 году той же тюрьмы ЕКПП увидел те же бытовые условия («общее состояние зон содержания под стражей и оборудования камер»), но отметил, что «условия содержания под стражей заключенных, отбывающих наказание в виде пожизненного лишения свободы, изменились по сравнению с тем, что наблюдалось в 1994 году... В частности, их больше не ограничивали постоянным нахождением в своем блоке, и их ситуация была аналогична ситуации других заключенных»⁴.

Во время своего посещения в 1999 году той же тюрьмы ЕКПП отметил «некоторое улучшение в тюрьме “Корал спехт”, что касается определенных аспектов бытовых условий заключения, объясняемое в значительной степени снижением общего количества лиц, содержащихся в учреждении», но добавил, что эта тюрьма «по-прежнему имеет ряд серьезных недостатков, которые создают угрозу для основных прав заключенных (включая право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность) и ставят под угрозу стабильность учреждения в ущерб как заключенным, так и персоналу тюрьмы». ЕКПП настаивал на внедрении «более развитых режимов деятельности для всех заключенных, делая особый акцент на тех, кто отбывает более длительные сроки наказания», и заявил, что «заключенным должны быть предложены различ-

¹ Постановление Европейского Суда по делу «Джеймс, Уэллс и Ли против Соединенного Королевства» (James, Wells and Lee v. United Kingdom) от 18 сентября 2012 г., жалобы №№ 25119/09, 57715/09 и 57877/09, § 200, Европейский Суд признал, что отказы заключенным в доступе к программам ресоциализации привели к тому, что они лишаются реальной возможности достичь объективного прогресса в деле реального снижения или устранения опасности, которую они представляют, тем самым делая их заключение произвольным. Это означает, что государство обязано предоставлять заключенным разумные возможности для прохождения курсов, направленных на оказание помощи в разрешении проблем с их противоправным поведением и опасностью, которую они представляют. Если человек находится в предварительном заключении из-за риска того, что он может вновь нарушить закон, но в то же время он лишен необходимых средств, таких как соответствующая исправительная терапия, чтобы продемонстрировать, что он уже не опасен, то это будет составлять нарушение статьи 5 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Остермюнхнер против Германии» (Ostermünchener v. Germany) от 22 марта 2012 г., жалоба № 36035/04, §§ 73–74).

² См. пункт 42 доводов государства-ответчика от 1 сентября 2014 г.: власти государства-ответчика признают, что «длительное лишение свободы может иметь ряд десоциализирующих последствий для заключенных» и «КПП советовал властям Арубы разработать пенитенциарную политику для заключенных», осужденных пожизненно.

³ Доклад властям Королевства Нидерландов о визите ЕКПП на Нидерландские Антильские острова, состоявшемся с 26 по 30 июня 1994 г., документ ЕКПП CPT/Inf(96)1.

⁴ Доклад Правительству Нидерландов о визите ЕКПП на Нидерландские Антильские острова, состоявшемся с 7 по 11 декабря 1997 г., документ ЕКПП CPT/Inf(98)17.

ные конструктивные виды занятий в течение значительной части дня»¹.

1 декабря 1999 г. заявитель был переведен в Исправительное учреждение Арубы (*Korrektie Instituut Aruba*) (ИУА), также именуемое Национальным исправительным учреждением на Арубе (*Instituto Coreccional Nacional*). Большая Палата Европейского Суда ссылается в § 57 настоящего Постановления на посещение ЕКПП этого учреждения в 2007 году². Эта часть соответствующего доклада, хотя и не цитируется Большой Палатой Европейского Суда, является важной:

«Лишение свободы на длительные сроки может иметь ряд десоциализирующих последствий для заключенных. В дополнение к тому, что их помещают в место лишения свободы, у заключенных, осужденных к длительным срокам лишения свободы, может возникнуть целый ряд психологических проблем (включая потерю самоуважения и ослабление социальных навыков), и они склонны все более и более отдаляться от общества, в которое почти все они, в конце концов, вернутся. По мнению ЕКПП, режимам, которые назначаются заключенным, отбывающим длительные сроки наказания, следует стремиться компенсировать эти эффекты позитивным и действенным способом. Соответствующие заключенные должны иметь доступ к широкому перечню форм целенаправленной деятельности различного характера (к труду, желательному профессионально ценному, образованию, спорту, отдыху/общению). Следует принять дополнительные меры, чтобы придать смысл их сроку лишения свободы, в частности, составление индивидуальных планов содержания в заключении и предоставление надлежащей психологической и социальной поддержки являются важными элементами в оказании таких заключенным помощи в примирении с их сроком лишения свободы и, когда придет время, в подготовке к освобождению от отбывания наказания. Кроме того, предоставление такого режима пожизненно осужденным заключенным способствует развитию конструктивных взаимоотношений между заключенными и сотрудниками учреждения и, следовательно, усиливает безопасность в месте лишения свободы» (подчеркнуто мною).

Наконец, посещение ЕКПП в 2014 году Исправительного учреждения Арубы состоялось через несколько дней после освобождения заявителя из места лишения свободы³. Как и семью годами ранее, ЕКПП рекомендовал, чтобы «власти Арубы приняли необходимые меры, чтобы возместить вред от состояния запустения и ветхости в тюрьме, в том числе для предотвращения дальнейшего затопления. Далее, количество заключенных, раз-

мещенных в каждой камере, не должно превышать двух. Кроме того, следует принять меры для обеспечения искусственного освещения в каждой камере и полностью отделить перегородкой санузел в каждой камере». Точнее, ЕКПП вновь подтвердил свою рекомендацию о том, чтобы «были разработаны формы занятий для заключенных с целью обеспечить, чтобы все заключенные (в том числе находящиеся в предварительном заключении до суда) [могли бы] проводить разумную часть дня (то есть восемь часов или более) за пределами своих камер, занимаясь целенаправленной деятельностью различного характера: трудом, желательным профессионально ценным, образованием, спортом, отдыхом/общением».

Зная об этих пяти подробных докладах, власти государства-ответчика не могли утверждать, что они не получили четких указаний от Совета Европы в отношении надлежащего устранения недостатков своей пенитенциарной политики на Нидерландских Антильских островах, а точнее, в тюрьме «Корал спехт» и ИУА. Только отсутствием политической воли можно объяснить, почему повторяющийся призыв ЕКПП в течение 30 лет оставался без внимания⁴.

9. Первый аргумент властей Нидерландов в свою защиту инкапсулируется в форму риторического вопроса: «разумно ли оценивать поведение государства с 1980 года меркой, которая впервые была введена Европейским Судом в 2013 году?». Довод властей государства-ответчика состоит в том, что обязанность содействовать ресоциализации заключенных и создавать механизм проверки законности и обоснованности наказания следует из Постановления Европейского Суда по делу «Винтер и другие против Соединенного Королевства», поэтому она не может быть применена в настоящем деле. Большая Палата Европейского Суда решительно отвергает данный аргумент и недвусмысленно полагает, что эти позитивные обязательства были уже обязательными для государства-ответчика уже в 1980 году. Из факта назначения ему наказания в виде пожизненного лишения свободы заявитель приобрел право на перспективу освобождения из места лишения свободы и возможность прибегнуть к механизму проверки законности и обоснованности наказания в исполнение требований, вытекающих из Конвенции. Параграф 116 настоящего Постановления не

¹ Доклад Правительству Нидерландов о визите ЕКПП на Нидерландские Антильские острова, состоявшемся с 25 по 29 января 1999 г, документ ЕКПП CPT/Inf(2000)9.

² Доклад властям Королевства Нидерландов о визите ЕКПП на Нидерландские Антильские острова, состоявшемся в июне 2007 года, документ ЕКПП CPT/In(2008)2.

³ Доклад Правительству Нидерландов о визите ЕКПП на Нидерландские Антильские острова, состоявшемся с 12 по 22 мая 2014, документ ЕКПП CPT/Inf(2015)27.

⁴ Эта враждебная политическая воля проявляется в пресловутом заявлении заместителя министра безопасности и юстиции Нидерландов от 16 апреля 2012 года: «пожизненное лишение свободы – это лишение свободы пожизненно. Возвращение в общество исключено, если только это не исключительный случай, когда заключенный пожизненно получает помилование. По этой причине пожизненно осужденные заключенные не имеют права на участие в мероприятиях, направленных на реинтеграцию» (см. страницу 10 составительных документов заявителя в Большой Палате Европейского Суда).

оставляет и тени сомнения в отношении намерения Большой Палаты Европейского Суда оценить поведение государства-ответчика, принимая во внимание весь период заключения Мюррея. Таким образом, Европейский Суд действительно применяет обязательство государства поощрять ресоциализацию и создавать механизм проверки законности и обоснованности наказания к периоду лишения свободы начиная с 1980 года. При этом Постановление Большой Палаты Европейского Суда не проводит ретроактивного применения международно-правовых стандартов, поскольку эти стандарты были приняты на европейском уровне с 1973 года (см. Резолюцию Комитета министров Совета Европы № (73)5 о Минимальных стандартных правилах ООН обращения с заключенными) и даже раньше, чем на международном уровне (см. Минимальные стандартные правила ООН обращения с заключенными 1955 года). Выражаясь прямо, Большая Палата Европейского Суда считает, что Постановление по делу «Винтер и другие против Соединенного Королевства» лишь вновь заявляет пенеологические стандарты, которые были обязательными для государств – членов Совета Европы по крайней мере с 1980-х годов.

10. Власти государства-ответчика также утверждали, что заявитель не жаловался конкретно на отсутствие психиатрического лечения, когда он находился в заключении. Большая Палата Европейского Суда отвергает это утверждение в последних двух предложениях § 124 настоящего Постановления, которые отсылают к принципу, постулируемому в § 106 Постановления. В качестве одного из наиболее важных практических аспектов позитивного обязательства государств – участников Конвенции защищать физическое и психологическое благополучие заключенных согласно Конвенции обязательство обеспечивать и выполнять индивидуальный план исполнения наказания, в том числе индивидуальное психиатрическое и психологическое воздействие, является обязательством результата, налагаемого на государства – участников Конвенции независимо от пожеланий заключенного. Заключенного, конечно, необходимо поощрять придерживаться такого плана и сотрудничать с администрацией в его реализации, но тот факт, что он отвергает его и остается к нему равнодушным, не освобождает власти государства от их обязанности по подготовке, осуществлению и проверке индивидуального плана исполнения наказания в любом случае. Невыполнение данного обязательства влечет за собой ответственность государства.

Так, отказ Мюррея потребовать психиатрическое лечение или адекватную пенитенциарную программу является полностью нерелевантным. Согласно упомянутым выше международным стандартам это отсутствие инициативы со стороны заявителя явно не освобождает государство от его ответственности, поскольку оно связано обязатель-

ным международно-правовым обязательством, которое не зависит от пожеланий Мюррея.

11. Наконец, Большая Палата Европейского Суда также отклоняет довод властей государства-ответчика о том, что Кюрасао и Аруба являлись одной страной в составе Королевства Нидерланды и что отправление правосудия было обязанностью отдельных частей Королевства. Данное утверждение может быть легко отклонено на основании доктрины, закрепленной в статье 4 Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния (принятого Комиссией ООН по международному праву в 2001 году), согласно которой действия любого органа государства, будь то органа центральной власти или административно-территориальной единицы государства, должны рассматриваться по международному праву как деяния этого государства. Ни Кюрасао, ни Арубу, но Королевство Нидерландов является ответственной стороной Конвенции для обеспечения соблюдения ее норм. По этой же причине нерелевантно утверждать, как это делали власти государства-ответчика, что отсутствует обязательство предоставлять заявителю психиатрическое лечение, поскольку распоряжение о таком лечении не было вынесено назначившим наказание Объединенным судом. Соответствие практики голландского государства Конвенции не зависит от решений местных судов автономных частей королевства.

12. Кроме того, Европейский Суд уже в прошлом давал четкое указание, что он не будет соглашаться с этой линией аргументов, когда в Постановлении по делу «Мэтью против Нидерландов» он подтвердил обязанность властей перевести заключенного из ИУА в место, более подходящее для его физического состояния и потребностей охраны здоровья, «в одной из двух других стран королевства в случае необходимости»¹. По мнению Большой Палаты Европейского Суда, ничто существенно разнящееся не отличает настоящее дело от дела «Мэтью против Нидерландов». Таким образом, она не принимает довод Объединенного суда, повторенный государством-ответчиком, что «ограниченный интеллект» и «недостаточная способность выражать себя вербально» препятствовали направлению Мюррея в закрытую клинику в Нидерландах². Если адекватное лечение не было доступно на Кюрасао, то заявитель должен был быть направлен в Нидерланды, где ему могла быть оказана профессиональная помощь при необходимости с переводом, используя один из трех языков, на которых он говорил:

¹ Постановление Европейского Суда по делу «Мэтью против Нидерландов» (Mathew v. Netherlands) от 29 сентября 2005 г., жалоба № 24919/03, § 215. См. также Постановление Европейского Суда по делу «Клас против Бельгии» (Claes v. Belgium) от 10 января 2013 г., жалоба № 43418/09, § 99.

² См. довод Объединенного суда Нидерландских Антильских островов в § 15 настоящего Постановления.

папьяменто¹, английский и, с большим трудом, голландский. Еще менее приемлем аргумент властей государства-ответчика, представленный на слушании дела в Большой Палате Европейского Суда, о том, что заявитель вообще не просил о переводе в Нидерланды. Еще раз необходимо подчеркнуть, что обязательство государства не должно быть вызвано к реализации просьбой заявителя, имелось обязательство государства действовать по собственному почину.

ОБЯЗАННОСТЬ ГОСУДАРСТВА ПРЕДУСМОТРЕТЬ МЕХАНИЗМ УСЛОВНО- ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ

13. Большая Палата Европейского Суда разъясняет Постановление по делу «Винтер и другие против Соединенного Королевства» относительно механизма условно-досрочного освобождения ясным языком, таким образом предоставляя свой авторитет важным постановлениям Палаты Европейского Суда, которые были вынесены со времени принятия Постановления Европейского Суда по делу «Винтер и другие против Соединенного Королевства»². Хотя Большая Палата Европейского Суда упомянула свободу Договаривающихся Государств принимать решения о конкретных формах их собственного механизма условно-досрочного освобождения, она также устанавливает четкие границы этой свободы. Согласно §§ 99 и 100 настоящего Постановления механизм условно-досрочного освобождения должен соответствовать следующим пяти обязательным принципам, «имеющим отношение к делу»:

(1) принцип законности («нормы, имеющие достаточную степень ясности и определенности», «условия, изложенные в законодательстве»);

(2) принцип оценки пенологических оснований продолжения заключения на основе «объективных, заранее установленных критериев», которые включают в себя ресоциализацию (специальную превенцию), предотвращение (общую превенцию) и воздаяние;

(3) принцип оценки в рамках заранее установленных сроков, а в случае пожизненно осужденных

заклученных «не позднее, чем через 25 лет после назначения наказания, и затем проведение периодической проверки законности и обоснованности наказания»;

(4) принцип справедливых процессуальных гарантий, включающих, по крайней мере, обязанность приводить мотивировку решения не освобождать из места заключения или об отзыве со свободы ранее заключенного лица;

(5) принцип судебной проверки законности и обоснованности решений и действий.

В свете этих требований Конвенции, которые вполне уживаются с Рекомендацией № Rec(2003)22 Комитета министров Совета Европы государствам – членам Совета Европы об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания к лишению свободы, Договаривающимся Государствам Конвенции следует создать механизм проверки обоснования продолжения лишения свободы в соответствии с пенологическими потребностями заключенного, приговоренного к пожизненному лишению свободы или на длительный срок. Из вышеприведенных принципов Конвенции можно сделать логический вывод о том, что, если механизм условно-досрочного освобождения должен быть доступен для лиц, осужденных за наиболее тяжкие преступления, *a fortiori* он должен быть доступен для других заключенных. Будет являться вызовом правосудию, если лица, осужденные за менее тяжкие преступления, не могут быть освобождены условно-досрочно, когда они способны реинтегрироваться в общество, в то время как подобная возможность будет предоставлена осужденным за более тяжкие преступления. Таким образом, в принципе Конвенция гарантирует право на условно-досрочное освобождение для всех заключенных³.

14. Большая Палата Европейского Суда подтверждает, что критерии для оценки целесообразности условно-досрочного освобождения от отбывания наказания должны быть установлены законом в ясной и предсказуемой форме, как это предусмотрено пунктом 10 Резолюции Комитета министров Совета Европы № (76)2, пунктами 3, 4 и 20 Рекомендации Комитета министров Совета Европы № Rec(2003)22 и пунктом 34 Рекомендации Комитета министров Совета Европы № Rec(2003)23, а на международном уровне статьей 110 Статута Международного уголовного суда 1998 года (Римского статута) и статьей 223 (критерии рассмотрения вопроса о снижении сро-

¹ Папьяменто (pariamento или rariamentu) – креольский язык на иберо-романской основе, родной язык населения островов Аруба, Кюрасао и Бонайре (примеч. редактора).

² Опять-таки ради терминологической ясности я подчеркиваю, что я использую слово parole в том же смысле, как использует его Совет Европы, означая условное освобождение от отбывания наказания к лишению свободы или досрочное освобождение осужденных заключенных от отбывания наказания к лишению свободы в соответствии с возлагаемыми на них индивидуальными условиями освобождения из места заключения. Акты амнистии и помилования не относятся к этому понятию, как признано в Рекомендации № Rec(2003)22 Комитета министров Совета Европы.

³ Большая Палата Европейского Суда, наконец, отошла от неудачной прецедентной практики, согласно которой Конвенция не предусматривает права на условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (Решение Европейского Суда по делу «Сабо против Швеции» (Szabo v. Sweden), жалоба № 28578/03, ECHR 2006-VIII, Решение Европейского Суда по делу «Маседо да Коста против Люксембурга» (Macedo da Costa v. Luxembourg) от 5 июня 2012 г., жалоба № 26619/07, § 22).

ка наказания) Правил процедуры и доказывания этого суда. Время, когда пенитенциарное право было вотчиной усмотрения государства, уже давно прошло, поскольку срок, порядок и условия исполнения лишения свободы и освобождения из места лишения свободы относятся к ядру принципа законности в той же мере, как и осуждение преступника и назначение ему наказания. Так, согласно тому, что указала Большая Палата Европейского Суда, критерии оценки при рассмотрении вопроса об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания не отданы на усмотрение государств – членов Совета Европы. Механизм рассмотрения вопроса об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания должен быть основан на «объективных, заранее установленных критериях», а именно на тех «законных пенологических основаниях», прямо установленных в § 100 настоящего Постановления. Помимо Постановления Европейского Суда по делу «Винтер и другие против Соединенного Королевства»¹, к авторитетным источникам по данной проблематике, подтвержденным Большой Палатой Европейского Суда, относятся Постановления Европейского Суда по делам «Трабельси против Бельгии»², «Ласло Мадьяр против Венгрии»³ и «Харакчиев и Толумов против Болгарии»⁴. Это означает, что заключенные имеют устоявшееся и подлежащее исполнению право быть освобожденными из заключения условно-досрочно, если и когда имеются юридические предпосылки для такого освобождения, но не то, что всем заключенным обязательно должно предоставляться условно-досрочное освобождение.

Хотя Большая Палата Европейского Суда отмечает, что баланс между различными пенологическими основаниями не «статичен» и может изменяться в ходе исполнения наказания, она не воздерживается от установления пенологических оснований, которые должны преобладать в оценке складывающейся ситуации заключенного: принцип ресоциализации. Следовательно, логический вывод из мотивировки Большой Палаты Европейского Суда заключается в том, что в случае конфликта между различными пенологическими основаниями, как например, когда цель наказания, заключающаяся в ресоциализации, достигнута, но все еще может быть чисто карательное оправдание продолжения заключения, «прогресс

заключенного в направлении социальной реабилитации» должен иметь наибольший вес при оценке потребности дальнейшего заключения. Самое главное: Большая Палата Европейского Суда вновь заявляет, что пенологические основания не тождественны «гуманитарным соображениям по причинам, связанным с плохим состоянием здоровья, физической инвалидностью или преклонным возрастом» (см. § 100 настоящего Постановления), и их не следует путать с ними. Соответствующие критерии оценки не должны ограничиваться умственной или физической беспомощностью заключенного или его близкой смертью. Данные «гуманитарные соображения» являются явно слишком ограничительными.

15. Согласно тому, что указала Большая Палата Европейского Суда, рассмотрение вопроса об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания должно иметь место в течение заранее определенных разумных сроков, как давно установили пункт 9 Резолюции Комитета министров Совета Европы № (76)2 и пункт 5 Рекомендации Комитета министров Совета Европы № Rec(2003)22 и в международном масштабе подтвердили пункты 3 и 5 статьи 110 Римского статута. Если вопрос об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания не решен сразу, ситуация заключенного должна проверяться с разумными не слишком большими интервалами времени, как также указано в пункте 12 Резолюции Комитета министров Совета Европы № (76)2 и пункте 21 Рекомендации Комитета министров Совета Европы № Rec(2003)22. Для того, чтобы принять такое решение, авторитетным источником, на который сослалась Большая Палата Европейского Суда, является Постановление Европейского Суда по делу «Бодейн против Франции»⁵.

16. Наконец, согласно тому, что указала Большая Палата Европейского Суда, механизм условно-досрочного освобождения должен контролироваться судебной властью суда или по меньшей мере подлежать полной судебной проверке как в отношении фактических, так и правовых элементов решения об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, как предусмотрено всеобщим стандартом, установленным в пункте 2 статьи 110 Римского статута⁶. Поднимая заявления Постановления Европейского Суда по делу «Ласло

¹ См. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Винтер и другие против Соединенного Королевства», §§ 125 и 129.

² Постановление Европейского Суда по делу «Трабельси против Бельгии», жалоба № 140/10, § 137, ECHR 2014 (извлечение).

³ Постановление Европейского Суда по делу «Ласло Мадьяр против Венгрии» от 20 мая 2014 г., жалоба № 73593/10, § 57.

⁴ См. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Харакчиев и Толумов против Болгарии», §§ 255, 257 и 262.

⁵ Постановление Европейского Суда по делу «Бодейн против Франции» от 13 ноября 2014 г., жалоба № 40014/10, § 61.

⁶ См. § 100 настоящего Постановления. Использование императивного указания «должна» отражает в прямой форме намерение Большой Палаты Европейского Суда установить принцип судебного надзора в отношении решений об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, согласно которому право заключенного знать, что он должен делать, чтобы считаться соответствующим условиям для освобождения из места заключения, и при каких обстоятельствах должна быть обеспечена гарантия судебной проверки законности.

Мадьяр против Венгрии», § 57, и Постановления Европейского Суда по делу «Харакчиев и Толумов против Болгарии», §§ 258 и 262, на вершины заявления Большой Палаты Европейского Суда о «принципах, имеющих отношение к делу», судьи Большой Палаты Европейского Суда единодушно отклоняют любой механизм условно-досрочного освобождения, оставляя последнее слово за исполнительным или административным органом в проверке наказания, что отдаст вопрос о продлении срока лишения свободы заключенного в руки исполнительной власти и устранил главную ответственность судей, тем самым доверив судебные полномочия исполнительной власти и нарушив принцип разделения властей. Таким образом, проверка, проводимая губернатором, министром или любым должностным лицом администрации, не является достаточно независимой, чтобы соответствовать европейским стандартам в области прав человека¹.

Кроме того, решения держать осужденных в месте заключения или отзывать их со свободы в место лишения свободы должны выноситься с соблюдением всех процессуальных гарантий справедливости, таких как гарантия вынесения мотивированного решения². Подразумеваемый вывод, который можно сделать из этого решительного заявленного принципа Европейским Судом, состоит в том, что механизм условно-досрочного освобождения должен также включать процедуру устного заслушивания заключенных и адекватный доступ к материалам их дел в свете пункта 32 Рекомендации Комитета министров Совета Европы № Rec(2003)22, пункта 2 статьи 110 Римского статута и правила 224 Правил процедуры и доказывания этого суда. В противном случае справедливость процедуры проверки будет миражом.

Подводя итог, следует сказать, что, установив вышеуказанные обязательные «принципы, имеющие отношение к делу», Большая Палата Европейского Суда достигла по делу «Мюррей против

Нидерландов» точки невозврата в своей функции установления стандартов защиты прав заключенных в Европе. Система помилования на Нидерландских Антильских островах схожа с кипрской системой регулирования наказания в виде пожизненного лишения свободы, которая зависит от усмотрения президента, принимающего свои решения в этой сфере при согласии генерального прокурора³. Необходимо напомнить, что в кипрской системе нет обязанности властей информировать заключенного о мнении генерального прокурора по его прошению об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания к лишению свободы, и отсутствует обязанность президента мотивировать свой отказ в удовлетворении такого прошения. Кроме того, отсутствуют какие-либо стандарты порядка и критерии, регулирующие функционирование данной процедуры. Наконец, отказ распорядиться об условно-досрочном освобождении заключенного от отбывания наказания к лишению свободы не подлежит судебной проверке. В «принципах, имеющих отношение к делу», Постановления по делу «Мюррей против Нидерландов» Большая Палата Европейского Суда занимает по существу весьма критическую позицию в отношении такой дискреционной и непрозрачной системы. Европа эволюционировала со времени вынесения Постановления Европейского Суда по делу «Кафкарис против Кипра», и, очевидно, Европейский Суд эволюционировал вместе с ней. Постановление Европейского Суда по делу «Винтер и другие против Соединенного Королевства» имеет достойного преемника в лице Постановления Европейского Суда по делу «Мюррей против Нидерландов».

ПРИМЕНЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКИХ СТАНДАРТОВ В НАСТОЯЩЕМ ДЕЛЕ

17. Мюррея держали в заключении в течение более чем 34 лет без какого-либо психиатрического или психологического лечения, хотя потребность в таком лечении была четко обозначена⁴. Власти государства-ответчика попросили предоставить все доклады психиатра, относящиеся к оценке психиатрических потребностей заявителя. Они предоставили четыре доклада психиатра, от 11 октя-

¹ Тот же принцип уже вытекает из Постановления Европейского Суда по делу «Уикс против Соединенного Королевства» (Weeks v. United Kingdom), жалоба № 9787/82, § 58 и 69, Series A, № 114, а также Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делу «Т. против Соединенного Королевства» (T. v. United Kingdom) от 16 декабря 1999 г., жалоба № 24724/94, § 121.

² См. § 100 настоящего Постановления. Использование слова «может» при ссылке на мотивы, которые должны быть изложены, чтобы заключенный знал, что он должен сделать, чтобы его кандидатура была бы рассмотрена для освобождения из места лишения свободы и при каких условиях, не должно быть понято неправильно. Изложение мотивов требуется, когда отказывают в освобождении из места заключения или когда решается вопрос об отзыве со свободы освобожденного из места лишения свободы заключенного, но изложение мотивов не требуется в противоположных обстоятельствах, например, когда решается вопрос об освобождении из места заключения или отказывают в отзыве со свободы заключенного, освобожденного из места заключения.

³ Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кафкарис против Кипра», жалоба № 21906/04, ECHR 2008.

⁴ Уже в 1979 году в докладе психиатра говорилось, что «он должен быть помещен в закрытую клинику для психически больных людей, чтобы пройти довольно длительный курс лечения под строгим наблюдением». На этой основе в своем постановлении от 11 марта 1980 г. Объединенный суд Нидерландских Антильских островов признал, что распоряжение о лечении в закрытой клинике в условиях содержания под стражей «являлось бы наиболее целесообразной мерой в данном случае».

бря 1979 г., 10 февраля 1994 г., 21 июля 2012 г. и 17 августа 2012 г., и «письмо» психиатра от 6 сентября 1991 г. Это означает, что до процедуры проверки, инициированной в соответствии с новыми нормами Уголовного кодекса Кюрасао, были представлены только два доклада психиатра и «письмо» психиатра. Два доклада психиатра за период с 1980 по 2012 год – вот предел профессиональной психиатрической помощи, оказанной заявителю за 22 года его заключения. Как Объединенный суд заключил в своем постановлении от 21 сентября 2012 г., оценивая опасность того, что заявитель совершит новые преступления, существовавшую во время назначения наказания в 1980 году и в период заключения, «с тех пор заявителю не оказывалось лечения в каком-либо виде или форме». Яснее этого антильские судьи высказаться не могли. Понятно, что судьи Большой Палаты Европейского Суда не могут прийти к другому выводу в § 122 настоящего Постановления, в котором признается, что Мюррей вообще не получал никакого лечения за всё время своего заключения.

18. Помимо отсутствия надлежащей пенитенциарной программы, адаптированной к индивидуальным потребностям Мюррея, остается фактом, что до ноября 2011 года на Кюрасао не было соответствующего механизма проверки, который удовлетворял бы требованиям прецедентной практики Европейского Суда и европейских пенологических стандартов. Большинство судей в данном деле сознательно не рассматривали этот аспект дела, в § 126 настоящего Постановления, хотя они изложили «принципы, имеющие отношение к делу» для этой цели в предыдущих параграфах Постановления, 99 и 100. Система помилования, действовавшая на бывших Нидерландских Антильских островах, не устанавливала ни законных, объективных, пенологических критериев проверки законности и обоснованности наказания, ни сроков проведения проверки, ни судебного надзора, ни обязанности губернатора мотивировать решение не предоставлять помилование, ни устного заслушивания заключенного. Не были собраны обновленные медицинские заключения или доклады психиатра о состоянии психического здоровья заявителя или информация тюремной администрации, чтобы предоставить их в распоряжение генерального прокурора или Объединенного суда. Всё ограничилось усмотрением губернатора, который был вправе не следовать представлению прокуратуры или совету Объединенного суда в пользу освобождения заключенного от отбывания наказания¹.

¹ Тот же вывод справедлив и для системы помилования в соответствии со статьей 93 новой Конституции Кюрасао, которая вступила в силу 10 октября 2010 г. Следует отметить в этом контексте, что 8 ноября 2013 г. Конституционный суд Синт-Мартена в составе Королевства Нидерландов вынес постановление по вопросу, среди прочего, о возможности назначения наказания в виде пожизненного лишения свободы,

На самом деле Мюррей подавал 13 прошений об освобождении от отбывания наказания, которые были либо отклонены без указания каких-либо причин, или на них даже не ответили². В начале 2013 года у него был, в конечном счете, диагностирован рак. 2 сентября 2013 г. он был доставлен обратно в тюрьму на Кюрасао с целью облегчения его лечения. После вмешательства Европейского Суда в ответ на просьбу о принятии обеспечительной меры заявитель был помещен в дом престарелых на Кюрасао с двумя охранниками у дверей. Делать хирургическую операцию было слишком поздно. Поскольку лечение в месте заключения более не представлялось возможным вариантом, он был помилован губернатором только 31 марта 2014 г., что повлекло освобождение от отбывания оставшейся части назначенного ему наказания, таким образом, позволяя ему скончаться достойно в кругу его семьи на Арубе. Когда заявитель остался один, его сестре с ее небольшой пенсией пришлось заплатить за уход за ним³.

19. Большинство судей в настоящем деле также сознательно воздерживаются от оценки совместности нового механизма периодической проверки законности и обоснованности наказания, вступившего в силу на Кюрасао 15 ноября 2011 г. Хотя новый режим был введен после того, как жалоба была подана в Европейский Суд, его оценка была явно необходима, поскольку заявитель содержался в заключении до 31 марта 2014 г., после вынесения постановления Объединенного суда от 21 сентября 2012 г., который применил новые положения статьи 1:30 Уголовного кодекса Кюрасао. Таким образом, действующие нормы о периодической проверке законности и обоснованности наказания

учитывая, что пожизненно осужденные заключенные должны иметь возможность судебной проверки законности и обоснованности наказания и перспективу освобождения из места заключения. Судьи Конституционного суда даже процитировали Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Винтер и другие против Соединенного Королевства», чтобы поддержать свою негативную оценку правовых норм Синт-Мартена, аналогичных тем, которые существовали на Кюрасао до 2011 года. Поскольку новый Уголовный кодекс Синт-Мартена не содержал какого-либо положения о такой проверке, и правительство не желало гарантировать, что помилование будет даровано в таком случае, Конституционный суд оказался вынужден отменить ряд положений, касавшихся пожизненного лишения свободы (см. текст Постановления на голландском языке на сайте омбудсмена Синт-Мартена (*Ombudsman of Sint Maarten*)). Этот важный прецедент, который был проигнорирован государством-ответчиком, показывает, что не только судьи Конституционного суда Синт-Мартена внимательны к Постановлению Большой Палаты Европейского Суда по делу «Винтер и другие против Соединенного Королевства», но они также готовы сделать логические заключения из выводов Большой Палаты Европейского Суда по этому делу.

² См. § 23 настоящего Постановления.

³ См. пункты 13 и 16 замечаний заявителя от 10 августа 2014 г., не оспоренных властями государства-ответчика.

в виде пожизненного лишения свободы в период с 15 ноября 2011 г. и по 31 марта 2014 г. должны были бы быть оценены Европейским Судом.

Хотя гарантии проведения судебной проверки не позднее, чем через 20 лет после лишения свободы и один раз в пять лет, состязательного судопроизводства, устного заслушивания заключенного, доступа к материалам дел, и мотивированного решения являются значительными улучшениями правовой системы Кюрасао, тот факт, что критерии проверки недостаточно определены в пункте 1 статьи 1:30 Уголовного кодекса («любые разумные цели»), проблематичен с европейской точки зрения защиты прав человека. Допускается слишком много усмотрения властей в разработке критериев проверки. Нет никакого способа, с помощью которого пожизненно осужденный заключенный мог бы знать, что он должен сделать, чтобы его кандидатура была рассмотрена для освобождения из места лишения свободы и при каких условиях. Дополнительной конкретизации в пункте 2 настоящих критериев со ссылкой на мнение потерпевшего или живущих близких родственников и риск рецидива преступлений недостаточно для удовлетворения требований принципа законности. Напротив, тот факт, что позиция потерпевших или их родственников включена в рассмотрение вопроса, может ли быть оправдано продолжение исполнения наказания в виде пожизненного лишения свободы, путает оценку законных пенологических оснований с утолением жажды мести потерпевших или их родственников. Концентрируясь на необходимости мести и кары, эта политика отводит доминирующую роль воздаянию в худшем его виде: слепому, утробному «воздаянию по заслугам» чувству со стороны потерпевших или их родственников. Преступнику придется «гнить в тюрьме», если потерпевшие или их родственники считают, что их жажда мести не утолена, хотя он может быть готов жить законопослушной жизнью.

Что еще хуже, эта политика, очевидно, не умаляет обязанность государства обеспечить надлежащие средства для потерпевших от преступлений взыскать свои убытки. Чем меньше государство выполняет свои обязательства по отношению к потерпевшим или их родственникам, тем более склонны они будут компенсировать свои убытки с необходимостью продлевать срок лишения преступника свободы. Хотя и «исправившийся» заключенный может и далее содержаться в заключении в качестве виновного за неспособность государства уделять внимание потребностям потерпевших или их родственников. По сути именно это и произошло в настоящем деле: Объединенный суд установил в своем постановлении от 21 сентября 2012 г., что, поскольку родственники потерпевшей вообще не получали адекватной психологической помощи, то освобождение заявителя из места лишения свободы шокировало бы их. Кроме того,

суд даже счел, что тот факт, что он предположительно угрожал им в 1979 году, то есть 23 годами ранее, мог бы способствовать их чувству незащищенности.

20. После ряда последовательных решений об отклонении 13 прошений заявителя о помиловании постановление Объединенного суда от 21 сентября 2012 г. настаивало на существовании риска совершения заявителем новых преступлений из-за «психического расстройства его личности». Мюррей не мог быть освобожден из места заключения просто потому, что, как признались антильские судьи, у него не было возможностей пройти психиатрическое лечение. Единственным возможным решением для его ресоциализации было бы обеспечение его правильным психиатрическим лечением, что даже не пытались сделать. Иными словами, государство отказывает в условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, пока человек не оказывается способен вести законопослушный образ жизни в обществе, что может произойти только в том случае, если заключенный обеспечивается надлежащим психиатрическим лечением со стороны государства, но то же государство это лечение не предоставляет. Это типичный «заколдованный круг»: государство налагает условие для освобождения из места лишения свободы, но отказывает заключенному в средствах, удовлетворяющих данному условию. В этом контексте, честно говоря, результаты любой проверки со стороны губернатора или Объединенного суда предприняты¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

21. Насколько чудовищным ни было бы совершенное преступление, ни один заключенный не заслуживает того, чтобы считаться заброшенными «человеческими отбросами», прибегая к выражению бывшего Председателя Европейского Суда Жан-Поля Косты². Именно это случилось с заявителем Джеймсом Мюрреем. Отсутствие психиатрического лечения сделало назначенное ему наказа-

¹ Настоящее дело еще раз наглядно показывает, что европейское право в области прав человека требует категоричной нормы против лишения свободы пожизненно. Того же требуют всеобщее признание принципа ресоциализации приговоренных к лишению свободы преступников и установление консенсуса о запрещении пожизненного лишения свободы для психически здоровых правонарушителей (см. мое отдельное мнение по упоминавшемуся выше делу «Оджалан против Турции (№ 2)». Надеюсь, Европейский Суд решится в один день прочитать знамения времени и сделает дополнительный шаг к отвержению наказания к пожизненному лишению свободы для психически здоровых правонарушителей как фронтального нарушения самого по себе статьи 3 Конвенции.

² См. отдельное мнение Председателя Европейского Суда Косты по делу «Леже против Франции» (Leger v. France) от 11 апреля 2006 г., жалоба № 19324/02.

ние в виде пожизненного лишения свободы *de facto* неснижаемым. Нарушение статьи 3 Конвенции усугубляется наличием дискреционной и непрозрачной системы помилования на момент назначения наказания, которая не отвечала требованиям Конвенции и никак не могла помочь заявителю. Недавно введенный механизм периодической проверки законности и обоснованности наказания согласно статье 1:30 Уголовного кодекса Кюрасао, который также не принес ему облегчения либо оказался проблематичен ввиду отсутствия предсказуемости оснований для проверки законности и обоснованности наказания и преобладающей роли, отводимой чисто карательному правосудию, ориентированной на воздаяние уголовной политике.

Справедливость добралась до Мюррея слишком поздно. Он не выдержал испытание 34 годами бесчеловечного лишения свободы. Хотя он не смог бы извлечь выгоду из компенсации морального вреда, который был ему причинен, было бы актом справедливости присудить такую компенсацию его наследникам.

**СОВМЕСТНОЕ ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ
СУДЕЙ ДИНА ШПИЛЬМАННА,
АНДРАША ШАЙО, ИШИЛЬ КАРАКАШ
И ПАУЛУ ПИНТУ ДЕ АЛЬБУКЕРКЕ**

(Перевод)¹

Мы голосовали против пункта 3 резолютивной части о том, что вывод о нарушении Конвенции представляет сам по себе достаточную справедливую компенсацию любого морального вреда, который мог быть причинен заявителю, как заключили большинство судей.

Мы хотели бы отметить прежде всего, что заявитель скончался 26 ноября 2014 г., в ходе производства по делу, и это не должно препятствовать присуждению справедливой компенсации на основе какого-либо причиненного морального вреда. Европейский Суд ранее присуждал справедливую компенсацию морального вреда в случаях, когда заявитель умирал в ходе производства по делу (см., в частности, в контексте нарушений статьи 3 Конвенции, Постановление Европейского Суда по делу «Авджи и другие против Турции» (*Avcı and Others v. Turkey*) от 27 июня 2006 г., жалоба № 70417/01, и Постановление Евро-

пейского Суда по делу «Кесер и Кемюрджю против Турции» (*Keser and Kömürçü v. Turkey*) от 23 июня 2009 г., жалоба № 5981/03, а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Эрнестина Дзулло против Италии» (*Ernestina Zullo v. Italy*) от 29 марта 2006 г., жалоба № 64897/01, Постановление Европейского Суда по делу «Йечиус против Литвы» (*Jėčius v. Lithuania*), жалоба № 34578/97, *ECtHR* 2000-IX, Постановление Европейского Суда по делу «Рейнольдс против Соединенного Королевства» (*Reynolds v. United Kingdom*) от 13 марта 2012 г., жалоба № 2694/08, и Постановление Европейского Суда по делу «Бенкё и Соосне Бенкё против Венгрии» (*Benkő and Soósne Benkő v. Hungary*) от 8 июля 2014 г., жалоба № 17596/12).

Настоящее дело позволило Большой Палате Европейского Суда развить и уточнить свою прецедентную практику, касающуюся вопроса о неснижаемых наказаниях в виде пожизненного лишения свободы. Именно отсутствие механизмов, адаптированных к состоянию здоровья заявителя, отличает данное дело. Заявитель не получал психиатрического лечения такого, чтобы предоставить ему возможность социальной реабилитации или перспективу освобождения от отбывания наказания. В §§ 105–112 настоящего Постановления Европейский Суд излагает принципы своей прецедентной практики, касающейся медицинской помощи, предоставляемой заключенным, особенно пожизненно осужденным с проблемами психического здоровья. Применяя эти принципы к настоящему делу и приходя к выводу, что назначенное заявителю наказание в виде лишения свободы пожизненно не было *de facto* снижаемым, Европейский Суд находит, что заявителю не предоставлялось лечения в какой-либо форме, и даже не была проведена оценка потребностей и возможностей лечения (см. § 125 настоящего Постановления).

Настоящее дело может тем самым отличаться от дела «Винтер и другие против Соединенного Королевства» (*Vinter and Others v. United Kingdom*) (Постановление Большой Палаты Европейского Суда, жалобы №№ 66069/09, 130/10 и 3896/10, *ECtHR* 2013), и именно по этой причине мы считаем, что Европейский Суд должен был присудить заявителю компенсацию морального вреда, который был ему причинен.

¹ Имеется в виду, что мнение в оригинале было составлено не на английском языке, в данном случае оно было составлено на французском языке (примеч. редактора).